

Ямиля Нарт

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ
или
Кофейная
Дипломатия

Ямиля Нарт

**Развод с драконом или
Кофейная дипломатия**

«Автор»

2026

Нарт Я.

Развод с драконом или Кофейная дипломатия / Я. Нарт —
«Автор», 2026

Очнулась в новом мире и сразу попросили с вещами на выход! Властный муж-дракон решил избавиться от бедняжки жены, то бишь меня, чтобы привести в дом любовницу. Бонусом — обвинил в транжирстве, скверном характере и, конечно, в бездетности. Классика! Но где наша не пропадала? В любом случае судьба подарила мне второй шанс. И я воспользуюсь им! Что говорите, развод? Да, пожалуйста! Только есть пара нюансов. Маленький сюрприз в животе, о котором не знает бывший муж. А еще в этом мире кофе варят так, что хоть плачь. А я, между прочим, бариста с десятилетним стажем. Проклятая усадьба, доставшаяся в наследство? Починим. Призраки-хранители, требующие работы? Пристроим. Бывший муж, который вдруг понял, что выгнал истинную пару? А вот это уже его проблемы. Я открою лучшую кофейню в королевстве. Построю бизнес. Разбогатею. И может быть, даже прощу дракона. Но сначала пусть постоит в очереди за капучино. Как все.

© Нарт Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ямиля Нарт

Развод с драконом или Кофейная дипломатия

Глава 1. Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен

Сознание возвращалось рваными толчками, словно кто-то дергал за нитку, привязанную к самому затылку. Первым пробился запах: дым, травы и что-то сладковато-приторное, отчего затошнило еще до того, как я открыла глаза. Я попыталась разлепить веки, но они словно налились свинцом. Голова гудела, а в висках пульсировала боль.

А потом в голову хлынуло.

Чужие воспоминания врезались в мое сознание раскаленными иглами. Я застонала, но не могла пошевелиться. Обрывки картинок, эмоций, лиц, всё это перемешивалось с моими последними минутами в торговом центре. Крики, треск горящего пластика, удушающая стена жара. Я бежала к служебному выходу, но, кажется, не добежала.

И тут же было другое.

Мужской смех в игорном доме, кружащиеся карты, ощущение азарта и пустоты. Злое, брезгливое лицо мужа, который швыряет на стол кошель с золотом, чтобы оплатить очередной долг. И одиночество. Такое густое и липкое, что им можно было давиться, как киселем.

Ее звали Карина. И она была несчастной, пустой, потерянной женщиной, которую никто не любил. Которая сама себя не любила.

Она умерла. Упала с лестницы? В памяти был только провал, темнота и чувство падения.

Я дернулась, пытаясь вынырнуть из этого кошмара.

— Леди Карина! Очнулись? Слава Создателю!

Чей-то взволнованный шепот пробился сквозь пелену. Я почувствовала, как чья-то прохладная рука коснулась лба. Я заставила себя разлепить глаза. Надо мной склонилось круглое девичье лицо с огромными от испуга глазами. Девушка была одета в странное серое платье и белый передник. Ее звали Лина. Единственная, кто относился к Карине по-человечески. Это знание пришло откуда-то из глубины, вместе с остатками чужой памяти.

— Леди Карина, леди Карина, очнитесь, — шептала она испуганно.

Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену.

На пороге выросла фигура, от которой воздух, казалось, стал плотнее и холоднее. Высокий, плечистый, в черном мундире с серебряным шитьем, он словно принес с собой сквозняк. Черные волосы зачесаны назад, скулы выточены так остро, что можно порезаться, а глаза... глаза горели вертикальным зрачком, как у рептилии. В руках он сжимал несколько листов плотной бумаги, исписанной витиеватым почерком.

Лорд Кайл эш'Шерр, мой... муж? И от него исходила такая волна холодной ярости, что служанка рядом со мной буквально вжалась в стену.

— Очнулась? — голос мужчины был низким и скрежетал, как камень по стеклу. — Прекрасно. Подписывай.

Я моргнула, пытаясь сфокусироваться. Чужие воспоминания все еще плавали где-то на периферии, но я уже начала отделять их от своих собственных. Я поняла две вещи. Первое: я определенно не в торговом центре. Второе: этот человек меня ненавидит. И проблема в том, что ненавидит он именно меня.

— Я не...

— Молчать! — рявкнул он, и я почувствовала, как от его голоса завибрировало что-то в груди. — Я выслушал достаточно твоих истерик за последние полгода. Полгода, Карина! Полгода я покрывал твои долги, твои проигрыши, твое безудержное транжирство. Ты спустила состояние на тряпки и побрякушки!

Он подошел ближе, и теперь я могла разглядеть, как под его глазами залегли глубокие тени, а желваки на скулах ходили ходуном. В памяти Карины всплыло: он почти не спал в последнее время, пропадал на службе и возвращался затемно, чтобы не видеть жену. Она знала это и злилась.

— Но последней каплей стало твое бесплодие, — выплюнул он это слово, как проклятие. — Ты даже этого не можешь дать своему мужу! Пустоцвет! Мне нужен наследник, а ты не способна дать мне ничего, кроме проблем и позора.

Внутри меня, сквозь боль и оглушенность, начало закипать раздражение. Вот, значит, как. Меня, можно сказать, только что реанимировали, а этот тип уже устроил разнос. Но умирать во второй раз за день мне совсем не хотелось. К тому же слова «транжирство» и «долги» намекали на то, что прежняя хозяйка этого тела действительно была та еще штучка. И воспоминания это подтверждали.

— Поэтому решение окончательное, — отчеканил мужчина. — Либо ты подписываешь бумаги о разводе и убираешься из моего дома с тем, что нажила до брака, либо я отправляю тебя в монастырь при храме Безмолвных Сестер. Там ты быстро забудешь о своих нарядах и казино. Выбери.

Я с трудом приподнялась на локтях. Лина тут же подсунула мне под спину подушку. Горло драло, словно я наглоталась пепла.

— Воды, — прохрипела я.

Лорд Кайл дернулся, будто хотел что-то сказать, но сжал челюсть и кивнул служанке. Та метнулась к столику и подала мне прохладный металлический кубок. Вода была чистой и удивительно приятной на вкус. Я сделала несколько глотков, чувствуя, как возвращается способность соображать. Медленно села, свесив ноги с кровати. На мне была шелковая сорочка, явно дорогая, но мятая и пахнущая потом.

— Я согласна на развод, — сказала я ровным голосом.

Он замер. В его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность. Он явно ожидал слез, истерики, попыток броситься ему в ноги, именно так, судя по обрывкам памяти, вела себя Карина. Но он быстро взял себя в руки, тряхнул головой и ткнул пальцем в документы.

— Подписывай. Здесь, здесь и здесь.

Я пробежала глазами строки. Расторжение брака по причине... дальше шло перечисление моих «грехов». И в конце, мелким, но четким почерком было выведено: «Супруга отказывается от любых притязаний на имущество и содержание, покидая дом мужа с тем, что имеет при себе».

— Нет, — сказала я, поднимая глаза на Кайла. — Я не подпишу это. Мне нужно на что-то жить.

Его глаза вспыхнули. Буквально, в их глубине, в самой радужке, полыхнуло золотое пламя.

— Ты смеешь торговаться со мной?! — прорычал он, и в комнате резко упала температура. Воздух задрожал, по стенам пробежали тени. — Я и так слишком долго терпел твои выходки! Я полгода твои долги оплачивал! Ты получишь ровно то, с чем пришла в этот дом, а пришла ты с пустыми руками, Карина. Или ты забыла, что твоя семья вышвырнула тебя с одним чемоданом? Подписывай, или я выкину тебя на улицу голой!

Я поняла, что спорить бесполезно. Этот человек был в ярости, и его ярость имела вес, форму и, кажется, могла материализоваться в пламя. Я взяла перо, макнула в чернильницу и

вывела подпись. Имя «Карина» легло на бумагу легко, словно я делала это сотни раз. В конце концов, теперь это мое имя.

Кайл выхватил документы, даже не взглянув на меня.

— Лина! — рявкнул он на служанку. — Собери ее девичьи вещи. Немедленно. Через час чтобы духу ее в замке не было. Сегодня сюда въезжает новая хозяйка.

Глава 2. Планы мы построим

Лина подпрыгнула, часто закивала и заметалась по комнате, хватая какие-то платья с кресел.

— Браслет, — Кайл протянул руку. — Родовой артефакт. Он тебе больше не принадлежит.

Я опустила взгляд на свое запястье. Там красовался изящный серебряный браслет с крупным черным камнем. Металл, казалось, был теплым на ощупь. В памяти Карины всплыло: она получила его в день свадьбы как символ принадлежности к роду. И она его ненавидела, потому что браслет не позволял ей изменять мужу, стоило только подумать о другом мужчине, как камень начинал жечь кожу. У мужских браслетов такого ограничения не было, чем, судя по словам о «новой хозяйке» Кайл и воспользовался.

Я попыталась снять браслет, но он не поддавался.

Кайл шагнул вперед, схватил меня за руку. Его пальцы были горячими и жесткими. Он коснулся застежки, прошептал что-то, и браслет щелкнул, раскрываясь. Кайл снял его и, не глядя на меня, сунул в карман мундира.

В тот же миг я почувствовала странную пустоту, словно из меня вынули какую-то важную часть. И я заметила, как Кайл замер на секунду, поднеся браслет к лицу, словно приносясь. Но тут же взял себя в руки и вышел вон, даже не обернувшись.

Сборы заняли меньше часа. Лина, всхлипывая, запихивала в большой потрепанный саквояж платья, белье, щетки для волос. Я сидела у туалетного столика и рассматривала свое новое лицо в зеркале.

На меня смотрела полная, бледная женщина лет двадцати пяти с потухшими серыми глазами и тусклыми, безжизненными волосами. Кожа была нездорового сероватого оттенка, под глазами залегли мешки, а на лбу красовался свежий синяк.

И вдруг меня накрыло волной ее отчаяния. Слезы, которые она прятала подушкой по ночам. Ненависть к себе, когда проигрывала очередные деньги. Страх, когда муж смотрел на нее с безразличием. И полное, абсолютное одиночество.

Я сглотнула ком в горле.

— Да, — прошептала я, рассматривая себя. — С такой внешностью и характером... я не удивлена. Спасибо, что хоть живая.

— Леди! — ахнула Лина, застыв с ночной рубашкой в руках. — Леди, что вы такое говорите?! Как можно так про себя!

Я только отмахнулась. Внутри, под слоем чужой усталости и боли, начинало разгораться пламя. Жива. Я жива. Я в другом мире, но я жива. А значит, все остальное решается. Тело? Подлечим, похудеем. Лицо? Подкрасим.

Через полчаса мы с Линой, нагруженные двумя саквояжами, стояли за воротами огромного, мрачного замка, сложенного из черного камня. Ворота с лязгом захлопнулись за нашими спинами. Перед нами уходила вниз, к виднеющемуся вдалеке городу, пыльная дорога.

Вдалеке паслись странные животные, похожие на коров, но с серебристой шерстью. В небе иногда мелькали тени слишком крупных птиц. А главное, магия чувствовалась в воздухе. Она просто висела в пространстве, как напряжение перед грозой.

— Лина, — я повернулась к служанке, которая все еще всхлипывала. — Я вчера ударила голову, когда упала с лестницы. Я плохо помню события последнего времени. Расскажи мне, где мы. Только коротко и по делу.

Лина икнула, вытерла слезы и, запинаясь, начала рассказ. Мир назывался Эртария. Лорд Кайл был генералом-драконом и принадлежал к одному из сильнейших высших домов. Магия здесь была, но доступна не всем, а в основном аристократии и военным. Иногда дар просыпался и у обычных людей, для них существовали отдельные квоты в местной Академии Магии. Простые люди жили, как и везде, работали, растили детей, платили налоги.

— А на что нам хватит этих денег? — я вытащила кошель, который Лина прихватила из комнаты Карины. Там звякнуло несколько монет.

Лина, шмыгнув носом, оценила:

— Медяков на постоянный двор на несколько дней хватит, если комнату одну на двоих снять, леди. А там уж думать надо.

— Думать так думать, — кивнула я. — Пошли.

Город, раскинувшийся у подножия холма, на котором стоял замок, назывался Кориндил. Он был шумным, пыльным и полным жизни. Я с интересом разглядывала вывески, лавки, прохожих в странных одеждах, пока мы с Линой не нашли недорогой трактир. «Хромой пес» оказался заведением не то чтобы приличным, но и не откровенной дырой.

Хозяин, грузный мужчина с хитрым прищуром, окинул нас оценивающим взглядом, но комнату сдал — небольшую, с двумя узкими кроватями и покосившимся стулом.

— Ужин в общем зале подаем, — буркнул он, получив медяк. — Чай, отвары, похлебка.

— А кофе есть? — вырвалось у меня почти рефлекторно.

Он удивленно поднял бровь:

— Кофе? Давно о нем не слышал. Зерна эти привозные, дорогие. Везут их издалека, морем, они портятся в дороге, плесневеют. Сейчас только в столице у богачей можно найти, да и то... — он скривился. — Гадость редкостная. Горькая, как полынь. Его никто и не пьет. Так, баловство одно. Травяные сборы куда приятнее, а взбодриться и зельем можно.

В сердце у меня что-то радостно екнуло. Здесь кофе не умеют варить? Кофе считают гадостью? Я попала в рай для бариста.

Вечером, лежа на жесткой, скрипучей кровати и глядя в темный потолок, я составляла план. Первое — найти постоянное жилье, дешевое. Второе — привести себя в порядок. Третье — самое главное: узнать, где достать кофейные зерна. И желательно, в таком количестве, чтобы хватило на эксперименты. Ведь если кофе здесь варят как попало, значит, тот, кто сварит его правильно, сможет озолотиться.

Я улыбнулась в темноте и положила руку на низ живота.

Я замерла, прислушиваясь к себе. К тем странным, смутным ощущениям, которые преследовали меня с самого пробуждения. К тошноте, которая, как я думала, была последствием удара. К тяжести внизу живота.

Воспоминания Карины, всплывающие в сознание обрывками, сложились в четкую картину. Задержка.

— Ох, Карина, — прошептала я, глядя в потолок. — Ну ты и дура. Или не знала, или скрывала. А может, тебя это и убило.

Я усмехнулась. Маленький сюрприз в животе, о котором не знает бывший муж. Тот самый, который обвинил меня в бесплодии и выгнал, чтобы привести любовницу. Вот это будет номер.

Я улыбнулась в темноте и снова положила руку на живот. Четвертый пункт плана — родить этого ребенка и сделать так, чтобы он ни в чем не нуждался. И плевать, что его дракон-папаша вышвырнул меня на улицу. Он еще пожалеет.

В это же время в своем кабинете лорд Кайл эш'Шерр сидел в кресле и вертел в пальцах браслет бывшей жены. Камень тускло поблескивал в свете магических сфер. Он поднес браслет к лицу и глубоко вдохнул.

От браслета пахло не так, как обычно пахло от Карины. Раньше от нее разило дешевыми духами, потом, мылом и почему-то гарью. Сейчас же... сейчас от браслета исходил едва уловимый, чистый аромат, отдающий... мятой? И еще чем-то теплым, что щекотало ноздри и вызывало странное беспокойство.

— Другой запах, — пробормотал он, хмурясь. — Магия какая-то? Или...

Он зло тряхнул головой и швырнул браслет в ящик стола. Наваждение какое-то. Он сделал правильный выбор. Хватит проблем и разочарований. Миранда будет прекрасной женой. Она из хорошего рода, умна, красива и, главное, носит под сердцем его ребенка.

Дверь бесшумно открылась, вошел адъютант.

— Лорд Кайл, леди Миранда прислала весточку. Она прибудет через три часа. Прикажете готовить покой?

— Да, — отрывисто бросил Кайл, отворачиваясь к окну. — Пусть готовят.

Но запах, чистый и легкий, не шел у него из головы. И это бесило его больше всего.

Глава 3. Наследство, от которого не отказываются

Я проснулась от звуков. С улицы доносились крики, грохот тележных колес по булыжной мостовой, ругань и пронзительный визг какой-то живности, которую, судя по звукам, прямо сейчас лишали жизни.

Я приоткрыла один глаз. Сквозь мутное, пузырчатое стекло в комнату сочился бледный утренний свет. Второй глаз открывать не хотелось категорически, потому что вместе со светом в комнату вползал запах. Пахло дешевой похлебкой с луком, кислым пивом и еще чем-то неумовимо помойным.

— Леди, вы проснулись? — Лина уже хлопотала у стола, расставляя какую-то посуду. — Я воды принесла, умыться. И завтрак... ну, какой есть.

Я заставила себя сесть. Каждый позвонок издал отдельный хруст, кровать была такой жесткой, что лучше бы я спала на полу. Лина подскочила ко мне с тазиком и кувшином. Вода была холодной, но чистой, и это немного привело меня в чувство.

— Леди, ну как же так можно, — запричитала она, пока я умывалась. — Леди в таком месте... Это же неприлично! Тут клопы, я ночью трех штук задавила. А запах! А люди! Я в коридор вышла, а там мужик без портков стоял, представляете?

Я фыркнула в тазик. Без портков это, конечно, катастрофа вселенского масштаба.

— Лина, мы с тобой сейчас без портков рискуем остаться, если работу не найдем, — сказала я, вытирая лицо. — Так что мужика придется перетерпеть.

Я подошла к треснутому осколку зеркала, который Лина прислонила к стене. Зрелище открылось душераздирающее. Волосы были сухими, безжизненными, секлись на концах и напоминали мочалку, которой год мыли полы. Синяк на лбу из багрового стал лилово-желтым. Кожа напоминала пергамент, на котором кто-то забыл написать текст.

Я взяла гребень и попыталась привести шевелюру в порядок. После третьего зубца, оставшегося в волосах, я выругалась сквозь зубы.

— Так, — сказала я своему отражению. — Первым делом идем искать работу и жилье. Лина всплеснула руками:

— Леди, какую работу? Какая леди работает? Это же позор!

Я обернулась к ней:

— Лина, милая. Посмотри на меня. Какая я леди? Меня муж выгнал с одним чемоданом тряпья. Денег у нас на пару дней. Если я не найду работу, мы с тобой будем ночевать под мостом. И позор будет самым маленьким из наших проблем.

Лина всхлипнула, но спорить перестала. Я усадила ее на табурет и начала расспросы.

— Рассказывай, — велела я. — Как тут вообще живут женщины? Что можно, что нельзя? Я же говорю, память отшибло знатно. Женщины работают? Кем?

Лина сложила руки на коленях и заговорила. Картина вырисовывалась интересная.

Мир, судя по всему, застрял где-то на уровне начала девятнадцатого века по развитию, но с поправкой на магию. Вон, вчера светильники в замке парили в воздухе. Значит, магия заменяет электричество, и из-за этого технический прогресс тормозит. Зачем изобретать паровой двигатель, если есть артефакты?

Но в социальном плане всё было куда архаичнее.

— Женщины по-разному живут, леди, — начала Лина, старательно подбирая слова. — Это от сословия зависит. И от того, замужем ты или нет. И от возраста даже.

Я кивнула, показывая, что слушаю.

— Вот взять простых, как я, — Лина вздохнула. — Те, кто победнее, работают с утра до ночи. Только работу эту никто работой не считает. Скажут, ну, бабы возьмется, а мужики дело делают. А мы и в поле, и по дому, и с детьми, а ежели замужем, то тоже заработок искать надо, потому что на одну мужнину зарплату редко когда проживешь.

— А кем работают? — спросила я.

— Да по-разному, — Лина наморщила лоб, вспоминая. — Кто в швеи идет, кто в прачки. Есть еще портомойки, те по одному-два комплекта белья берут, обстирывают соседей, студентов там, офицеров молодых. Заодно и починить могут, за отдельную плату.

— А на фабриках?

— На фабриках женщин любят, — Лина оживилась. — Говорят, мы аккуратнее. Женщины нитки делают, ткани красят, игрушки раскрашивают, папиросы крутят, табак фасуют. Только там тоже здоровья не прибавляется — пыль, краска эта, легкие садят быстро.

Она перечислила еще с десятков профессий: кружевницы, вязальщицы на продажу, те, кто бусы набирают, цветы искусственные вертят, травы пряные для зеленщиков выращивают на окнах. Кто бойкий, торгуют на рынках тем, что сами напекли, вырастили или надоили. Есть женщины, что за больными ухаживают, тоже работа не из легких.

— А кто совсем отчаится, те в шахты идут, — Лина понизила голос. — В Поморье женщины рыбачат, на лесоповалах сучья рубят, целые артели дровосечек бывают, вдовьи артели, осиротевших девочек туда берут.

— А дворянки? — спросила я. — Вот такие, как я?

Лина заметно напряглась.

— Ох, леди, тут совсем тонко. Дворянке, ежели она обеднела, нельзя за всякую работу браться. Стирать на стороне, например, это позор, почти как воровать пойти. Торговать на рынке тоже. От тебя тогда отвернутся все, кто мог бы помочь. Поэтому дворянки...

Она замялась, подбирая слова.

— Они в гувернантки идут, в учительницы в пансионы для девиц. А с недавних пор стали в приказчицы наниматься, в продавщицы то есть. Еще в магических школах преподают, у кого дар есть. Это уже считается приличным. Которые образованные еще уроки дают на дому, частным образом. Или переводами занимаются, нотами, чертежами занимаются. Или статьи пишут в журналы, только редакторы с женщинами связываться не любят.

— А замужние? — спросила я. — Им проще?

— Им сложнее, — вздохнула Лина. — Мужья часто не разрешают работать, потому что это их позорит. Не может, мол, мужик семью обеспечить, раз баба на сторону ходит заработки искать. Поэтому замужние берут работу на дом. Белье в стирку у соседей берут, одежду в починку. У нас даже те, кто победнее, сами себе пуговицу пришить считают зазорным, ищут женщину, которая сделает.

— А вдовы?

— Вдовы — особая история, — Лина даже оживилась, почувствовав себя знатоком. — Есть целые «вдовьи» профессии. Свахи, например, или повивальные бабки. Или которые покойников к похоронам готовят — обмыть, одеть. Плакальщицами еще нанимаются. Няньки, горничные тоже часто вдовы, потому что молодым девушкам зазорно в чужих домах жить, а вдовам уже всё равно, их не осудят.

— А еще есть такие, что дома детей чужих присматривают, собирают у себя на дневное время, — продолжала Лина. — В Литании, говорят, есть профессия — будильщица. Ходит утром по домам и будит рабочих, чтобы на смену не проспали. Палочкой в окно стучит.

Я невольно улыбнулась. Будильщица, это надо же.

— А если разведена женщина? — спросила я.

Лина поморщилась:

— Разведенку никто замуж не возьмет, леди. Разве что вдовец какой с тремя детьми и без гроша за душой. А работать пойдете, окончательно репутацию угробите.

Я хмыкнула. Репутация Карины, судя по всему, и так была не сахар. Игроманка, транжирка, истеричка — такой ее видел муж. И, судя по воспоминаниям, которые иногда всплывали в голове, он был недалеко от истины. Карина действительно проигрывала деньги, скупала тряпки и закатывала скандалы.

— Спасибо, Лина, — сказала я искренне. — Ты мне глаза открыла.

Она смутилась, покраснела и затеребила передник.

— Леди, вы только не подумайте, что я вас в чем-то упрекаю. Вы леди, вам такие работы не подходят. Мы что-нибудь придумаем.

— А про драконов расскажи, — попросила я, пытаясь заплести хоть какой-то подобие косы. — Муж мой бывший, он же превращаться может? Я помню, но смутно.

Лина оживилась, тема драконов явно была для нее благоговейной.

— Ой, леди, лорд Кайл высший дракон, из древнего рода. Они могут в человека обращаться и обратно. У них магия сильная, они военные, правители, советники короля. А есть низшие драконы, те в людей не могут, так и живут в чешуе, умом не блещут, их держат в основном на рудниках и на границах. Страшные, говорят.

Я представила себе работающего дракона в фартуке и фыркнула.

— Ладно, — я повернулась к Лине, оставив попытки соорудить прическу. — Расскажи теперь про меня. Только честно. Я правда так плоха была?

Лина замялась, затеребила край передника. Я молча ждала.

— Ну... — протянула она наконец. — Леди, вы только не обижайтесь. Вы последнее время действительно были... того. В казино ходили, проигрывали много. Лорд Кайл злился, но платил. Вы потом плакали, клялись, что больше не будете, а через неделю опять. И тратили много. Приходили счета от модисток, от ювелиров, а вы даже не смотрели, сколько подписываете.

Она вздохнула и добавила тише:

— А вначале, в первые месяцы после свадьбы вы были... другой. Спокойная, тихая, мужа слушались, по дому хлопотали. А потом вы как с цепи сорвались. В карты играть начали, по магазинам деньги тратить бешеные, скандалить с лордом почем зря. Я уж думала, может, порча на вас какая?

Я покачала головой. Никакой порчи. Просто Карина устала притворяться. Она вышла замуж за первого встречного, пыталась быть хорошей женой, но дракон ее не любил, а она его тем более. Вот и сорвалась. Хорошо хоть не запила.

— А родители? — спросила я. — Что с ними?

Лина поджала губы:

— Ой, леди, не хотела я вам напоминать... Вы у них младшая были. И не то чтобы вас не любили, но... Вы, простите Создатель, самой глупой в семье считались. Сестры ваши старшие

за видных лордов вышли, а вас хотели за старого вдовца какого-то пристроить, за союзника политического. А вы взяли и помолвку расстроили. То ли сбежали с бала с кем-то, то ли еще что, не знаю точно. Родители разгневались страшно и выдали вас за первого, кто посватался. А посватался лорд Кайл, ему тогда нужен был брак для военной карьеры, какой-то там титул через женитьбу получить. Вот и сосватали, а вас с одним чемоданом из дома выслали и знать ничего не хотят с тех пор.

— Милая семейка, — прокомментировала я. — Ну и ладно. Свои люди — сочтемся.

Я задумалась. Работа, работа... Кто возьмет женщину без рекомендаций, с внешностью пугала огородного и сомнительной репутацией?

И тут в памяти Карины что-то щелкнуло. Обрывок разговора, услышанный краем уха. Какое-то слово. Усадьба.

— Лина, — я резко повернулась к ней. — У меня ведь было какое-то наследство? Усадьба какая-то? Я помню, что-то говорили...

Лина побледнела так, что веснушки на носу проступили ярче.

— Леди, не надо! — выпалила она. — Это же усадьба леди Мортимер! Там же нечисть! Там уже лет десять никто не живет, все боятся!

— погоди, — я ухватила за эту мысль, как утопающий за соломинку. — Что за усадьба? Где? Чья?

Лина затараторила, словно от скорости зависело, убедит она меня или нет:

— Леди Мортимер, ваша бабка по отцу, она вам оставила. Когда вы замуж выходили, родители хотели ее себе забрать, но там в завещании хитро было прописано, только лично вам, никому другому. Они и злились, наверное, поэтому вас так быстро и сплывили.

Я вскочила с кровати. Усадьба! Своя крыша над головой! Это же подарок судьбы!

— Где она? Далеко? Большая? — засыпала я вопросами Лину.

Но Лина вдруг сникла и побледнела.

— Леди... она недалеко, в центре города. Но там... там нечисть, леди. Говорят, бабка ваша была странная, с призраками общалась, и после смерти ее дух не упокоился. И в усадьбе той призраки живут и никого не пускают. Лет десять уже дом пустует, никто туда и сунуться не рискует. Так и стоит заброшенная.

Я моргнула. Заброшенная усадьба с призраками. Идеальное жилье для разведенки с горстью медяков в кармане.

— Лина, — сказала я твердо. — Собирайся. Едем смотреть.

— Леди! — взвизгнула она. — Там же призраки! Там бабка ваша неупокоенная! Нас сожрут!

Я подошла к ней и положила руки на плечи.

— Лина, дорогая. У нас с тобой есть выбор. Либо мы идем в эту усадьбу, где, возможно, есть крыша над головой и стены, которые нас защитят от дождя и ветра. Либо мы через три дня оказываемся на улице, где нас точно никто не защитит. Ты выбирай, а я уже выбрала.

Лина шмыгнула носом и обреченно кивнула.

— А призраки? — пискнула она.

Я усмехнулась:

— Меня выгнал муж-дракон, обозвал пустоцветом и оставил без гроша. После всего этого призраки — это как раз та проблема, с которой я точно справлюсь. Хуже уже не будет.

Я оглядела нашу каморку. Саквояжи, сваленные в углу, тусклый свет, грязное окно. И вдруг внутри разлилось тепло.

Своя усадьба. Пусть старая, пусть страшная, пусть с призраками. Но это — недвижимость.

— Собирайся, — скомандовала я, натягивая более-менее приличное платье из тех, что Лина запихала в саквояж. — Идем смотреть наше новое жилье.

— Наше? — переспросила Лина, округлив глаза.

— Наше, — подтвердила я. — Ты со мной пошла, значит, теперь мы команда. А в команде все общее, и крыша над головой, и призраки. У нас нет других вариантов. Или призраки, или голодная смерть под забором. Выбирай.

Лина шмыгнула носом еще раз, потом решительно вытерла его рукавом и встала.

— С вами хоть к призракам, леди. Вы вчера как очнулись, будто другая стали, смелая. Я за вами пойду.

Я похлопала ее по плечу. Хорошая девчонка. Преданная. И, судя по всему, неглупая, раз почуяла перемену.

Через полчаса мы вышли из трактира.

Глава 4. Новое пристанище

Дорога от трактира до нужного квартала заняла около получаса, и за это время Лина успела рассказать мне столько страшных историй про поместье моей бабки, что хоть садись и записывай сборник городского фольклора. Про то, как местные мальчишки забросили мяч во двор и никто из них не решился за ним полезть, так он там и сгнил. Про пьяного сапожника, который поспорил, что переночует в доме, а наутро его нашли с седыми волосами и отнявшимся языком на крыльце. Про огоньки, которые иногда пляшут в окнах по ночам, и про то, что даже воры обходят усадьбу стороной, потому что из нее никто ничего не вынес, кроме нервного тика.

— А еще говорят, — Лина понизила голос до шепота, хотя мы только завернули за угол и никого рядом не было, — Что ваша бабка, леди Мортимер, заключила сделку с теми, кто живет по ту сторону. И что она до сих пор там, в доме, принимает гостей. Только гости те уже не люди.

Я только отмахивалась. Честно говоря, после того, как меня швырнуло в чужое тело в магическом мире, выгнал муж-дракон и оставило без гроша родное семейство, перспектива пообщаться с парочкой призраков меня пугала меньше всего.

Усадьба нашлась на тихой улочке, вымощенной булыжником, который помнил, наверное, еще прадедов нынешних жильцов. Дома здесь стояли старые, солидные, с чугунными оградами палисадников и резными наличниками, но в конце улицы, там, где начинался небольшой спуск к реке, притулилось нечто, от чего у Лины перехватило дыхание, а у меня наоборот, открылось второе.

Особняк выглядел именно так, как должна выглядеть недвижимость, доставшаяся в наследство от эксцентричной бабки. Двухэтажный, из серого камня, с узкими окнами. Крыша местами просела, черепица кое-где отсутствовала, а водосточная труба с правого угла оторвалась наполовину и теперь висела под углом, намекая, что при первом же дожде рухнет окончательно.

Но двор... двор был прекрасен.

Сквозь покосившуюся деревянную ограду я разглядела достаточно места, чтобы поставить не меньше пяти столиков. А если убрать бурьян, который дорос мне до пояса, вырубить ту кривую яблоню, что засохла еще при прошлом короле, и засыпать гравием дорожки, получится идеальное место для уличной террасы. Я уже представила, как тут пахнет свежесваренным кофе, как сидят люди, как солнце пробивается сквозь листву...

— Ворот нет, — заметила Лина, оглядываясь.

Я присмотрелась. Действительно, никаких ворот.

— Не требовались, — сказала я, вспомнив её рассказы. — Все и так боялись сюда соваться.

Я вытащила из кармана тяжелый ключ с затейливой бороздой, который нашла на дне саквояжа.

Крыльцо встречало нас прелыми листьями и запахом сырости. Дверь, массивная, дубовая, обитая почерневшими от времени полосами металла, выглядела так, будто ее не открывали

лет сто. Я вставила ключ в скважину. Он вошел, как в масло, провернулся с мягким шелчком, и я толкнула створку.

Дверь открылась с таким звуком, что у меня волосы на затылке встали дыбом. Душераздирающий, протяжный скрип ржавых петель резанул по ушам, и где-то в глубине дома что-то с грохотом упало. Лина взвизгнула и вцепилась в меня так, что я чуть не потеряла равновесие.

Я шагнула внутрь.

В нос ударила пыль, сырость, мышинный помет и еще что-то сладковато-гнилостное.

Пыль лежала везде. На полу, на стенах, на мебели, на люстре под потолком. Пол был выложен мраморной плиткой, но плитка потрескалась, кое-где выкрошилась, а в щелях пробивалась трава, видимо, семена занесло ветром через открытые окна. Мебель стояла в чехлах, но чехлы прогнили, и сквозь дыры виднелись обивка, изъеденная мышами, и дерево, пошедшее трещинами.

В углу холла возвышалась лестница на второй этаж, широкая, когда-то парадная, с резными перилами. Теперь ступени кое-где провалились, перила шатались, а на повороте висела огромная паутина, в центре которой сидел паук размером с мою ладонь.

Я огляделась. Прихожая была большой, светлой, несмотря на грязь. Высокие потолки, лестница на второй этаж с резными перилами, несколько дверей вниз. Места было вагон. Идеально для кофейни. Входная зона, зал для посетителей, кухня где-то в глубине. Я уже прикидывала, где поставить стойку, а где столики.

— Леди, — прошептала Лина, дергая меня за рукав. — Леди, смотрите.

Она показывала на стену, где висело огромное, в полный рост, зеркало в тяжелой раме. Оно было чистым. Совершенно чистым, будто его протерли только что.

Я подошла ближе. В зеркале отражались мы с Линой, растрепанные, с вытаращенными глазами. И больше ничего. Никаких призраков за спиной, никаких теней. Только мы и пыльная прихожая.

— Ладно, — сказала я своему отражению. — Будем считать это хорошим знаком.

Мы двинулись дальше. Я заглядывала в каждую дверь, прикидывала, что где будет. В одной комнате, судя по всему, раньше была гостиная, судя по камину, книжным шкафам, низкому столику. В другой была столовая с огромным дубовым столом, который мы с Линой вдвоем не сдвинули бы и на сантиметр. На кухне пахло мышами и затхлостью, но плита, огромная, чугунная, выглядела внушительно.

А потом мы нашли ванную.

Я поняла это сразу, потому что посреди помещения стояла ванна. Чугунная, на львиных лапах, покрытая слоем пыли и птичьего помета, видимо, кто-то умудрился залететь через разбитое окно. Рядом с ванной возвышался умывальник с краном, а в углу, за ширмой, угадывалось нечто, подозрительно напоминающее унитаз.

Правда, над всем этим хозяйством висели какие-то кристаллы, вставленные в медные оправы на стенах. Одни — мутно-белые, другие — с едва заметным голубоватым свечением, третьи — совсем темные, почти черные.

— Артефакты, — пояснила Лина, заметив мой взгляд. — Вода греется магией. И нечистоты уходят тоже через них. Если кристаллы темные, значит, разрядились. Надо менять.

Я присмотрелась. Голубоватое свечение теплилось только в одном кристалле над краном. Остальные были мертвы.

— То есть, — медленно проговорила я, — если мы хотим горячую воду и работающий туалет, нам нужны новые кристаллы?

Лина кивнула, обреченно вздыхая.

— И не только здесь, леди. В доме, наверное, везде так. Освещение, отопление, кухонная плита — всё на артефактах. Если они сели, то и света не будет, и еду не приготовить.

Я оглядела ванную еще раз. Чистота, к которой я привыкла в своем мире, здесь стояла денег. И немалых, судя по всему. Но ничего. Будем решать проблемы по мере поступления.

— Пошли, — сказала я. — Составим список.

Мы устроились в гостиной, на продавленном диване, который чудом сохранился под чехлом. Лина нашла в сумке шкафу огрызок карандаша и кусок оберточной бумаги. Я диктовала, она записывала, высунув от усердия язык.

— Моющие средства, — сказала я. — Мыло, стиральный порошок. Тряпки, щетки, ведра, швабры.

Лина старательно выводила каракули, прикусывая язык от усердия.

— Продукты, — продолжала я. — Хлеб, крупы, масло, овощи, мясо, чай. Воду пока придется носить, пока кристаллы не поменяем.

— Леди, — Лина подняла голову, — а на что покупать будем? У нас медяков только на пару дней, и те почти все за комнату ушли.

Я задумалась. В кармане платья действительно звенело от силы медяков десять, что хватило бы на тройку приличных обедов в трактире, не больше. А нам нужны не только продукты, но и кристаллы, и инструменты, и...

— Сколько это может стоить? — спросила я, когда Лина закончила писать.

Она прикинула, шевеля губами, и назвала сумму. У меня внутри все упало. Это было намного больше, чем у нас оставалось после оплаты трактира.

Я машинально провела рукой по волосам и зацепилась пальцами за серьгу в ухе. Маленькая золотая серьга-гвоздик с каким-то бледным камушком, который я даже не разглядела толком. Память Карины подсказала: мать всучила их при прощании, когда отправляла к дракону. Даже не поцеловала на прощание. Просто сунула в руку бархатный мешочек и сказала: «Фамильное, носи, не потеряй».

Я вытащила серьгу. Золото, самый простой и понятный металл в любом мире. Камушек не пойми что, но в таких вещах главное вес.

— Лина, — спросила я, вертя серьгу в пальцах. — А это сколько стоит?

Лина подошла, взяла серьгу, повертела, прищурилась.

— Золото чистое, леди. И работа старинная. Если в ломбард отнести, то серебряных тридцать-сорок дадут. А может, и пятьдесят, если хозяин попадется добрый.

Пятьдесят серебряных. На первое время хватит.

— Значит, так, — сказала я. — Сначала ломбард, потом лавка с кристаллами, потом рынок. И последнее, ночлег. Сегодня мы уже спим здесь. Ты пока оставайся здесь, попробуй найти, где тут вода и чем можно протереть пыль. Если появятся призраки, скажи, что я скоро вернусь и мы обо всем договоримся.

Лина побледнела, но кивнула. Храбрая девчонка.

Город встретил меня шумом и суетой. Я шла по мостовой, разглядывая вывески, пока не нашла то, что искала — лавку скупщика, обозначенную скромной табличкой «Покупка и продажа ценностей». Толкнула дверь, вошла.

Внутри пахло пылью, металлом и чем-то сладковатым. За прилавком стоял сухой старичок с лупой в глазу. Он окинул меня цепким взглядом, сразу оценил потертое платье, растрепанные волосы, синяк на лбу.

— Чем могу служить? — спросил он таким тоном, будто заранее знал, что ничего ценного у меня нет.

Я вытащила серьги и положила на прилавок.

Старичок взял их пинцетом, поднес к лупе, повертел. Потом взвесил на маленьких весах, поцокал языком. Достал какой-то прибор с иголкой, ковырнул золото с внутренней стороны, посмотрел на реакцию.

— Золото хорошее, — сказал он наконец. — Камень гранат, простой, недорогой. Но работа тонкая, старинная. Сорок пять серебряных.

— Шестьдесят, — ответила я.

— Пятьдесят, и больше ни медяка.

— Пятьдесят пять, и мы расстаемся друзьями.

Он вздохнул, словно я вырывала у него последний кусок хлеба, полез под прилавок и выложил на стойку пятьдесят пять серебряных монет. Я пересчитала, сунула в кошель и вышла, чувствуя себя почти богачкой.

Я уже прикидывала, куда пойти сначала — за кристаллами или за продуктами, когда услышала за спиной цоканье каблучков и почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд. Я обернулась.

Девушка была красива. Той холодной, породистой красотой, от которой веет деньгами и уверенностью в собственной исключительности. Темные волосы уложены в сложную прическу, платье из дорогой ткани, на шее кольцо с крупными камнями. Она смотрела на меня так, будто я была тараканом, выползшим из-за плинтуса. С презрением, безразличием и каким-то злым торжеством.

Я остановилась. Память Карины лихорадочно перебирала лица, имена, события, но ничего не выдавала. Я понятия не имела, кто это.

— Добрый день, — сказала я вежливо. — Мы знакомы?

Девушка замерла. Ее лицо дернулось, словно я дала ей пощечину.

— Неужели память отшибло от стыда? — спросила она, и голос у нее был высокий, звенящий, как натянутая струна. — Или вы, леди Карина, настолько ничтожны, что не помните тех, кто стоит выше вас?

Я моргнула. Выше меня? Интересно, кто она такая, чтобы так разговаривать с женой (пусть и бывшей) генерала-дракона?

— Простите, — сказала я все так же вежливо, — но я действительно вас не помню. Возможно, вы меня с кем-то путаете?

Она рассмеялась резко, некрасиво.

— Я — леди Миранда эш'Варр. А вы, насколько мне известно, теперь уже не леди эш'Шерр. Поздравляю с разводом. Хотя, судя по вашему виду, поздравлять особенно не с чем. Я также теперь новая хозяйка поместья эш'Шерр.

Тут до меня дошло. Миранда. Любовница Кайла. Та, из-за которой меня вышвырнули на улицу, обозвав пустоцветом. Я окинула ее взглядом уже внимательнее. Красивая, да.

— Ах, вот вы кто, — сказала я спокойно. — Леди Миранда. Наслышана. Поздравляю вас с приобретением.

Она явно не ожидала такой реакции. Ее идеальные брови поползли вверх.

— Надеюсь, вам понравится в замке, — добавила я. — Места там много, прислуга хорошая. Правда, сам лорд Кайл довольно скучный — пунктуальный до занудства, терпеть не может беспорядок и очень любит, когда ему под ноги не лезут. Но вы, я уверена, быстро приспособитесь.

Миранда побелела. Буквально побелела, так что румяна на щеках стали видны яркими пятнами.

— Как вы смеете! — выдохнула она.

— Что именно? — удивилась я. — Желать вам счастья в личной жизни? Вы теперь новая хозяйка поместья эш'Шерр, леди Миранда. Поздравляю. А что касается меня... ну, знаете, есть поговорка: «Не было счастья, да несчастье помогло». Так что можете забирать мои объедки. Мне они ни к чему.

Я говорила это, и сама не верила, что такое говорю. Но внутри, где-то глубоко, ворочалось что-то злое и обидное, возможно остатки чувств Карины, которую предали, обманули,

вышвырнули. И сейчас эта обида выплескивалась наружу словами, которых я бы в здравом уме не сказала. Но останавливаться было поздно, да и не хотелось.

Миранда побелела. Ее губы сжались в тонкую линию.

— Ты... ты смеешь называть лорда эш'Шерра обедками?

— Я называю вещи своими именами, — я улыбнулась самой дружелюбной улыбкой. — Вы же знаете, какой он гуляка. Все знают. Я просто устала закрывать глаза на его похождения.

Миранда открыла рот, но не издала ни звука. Она просто стояла и хлопала ресницами, а краска сходила с ее лица слоями.

Я улыбнулась ей самой доброй улыбкой, на которую была способна.

— Так что, леди Миранда, желаю вам удачи. Она вам понадобится.

Я развернулась и пошла дальше, оставив ее посреди улицы с открытым ртом. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, но на душе было удивительно легко. Пусть думает что хочет. Пусть рассказывает всем, что я сама ушла от дракона, потому что он гулящий и скучный.

Только завернув за угол, я позволила себе выдохнуть и рассмеяться.

— Обедки, — прошептала я, вытирая выступившие от смеха слезы. — Пусть подавится.

Мне этот дракон даром не нужен. Особенно теперь, когда я знаю, что во мне растет его ребенок. Тот самый наследник, которого он так жаждал. Пусть подавится своей Мирандой.

Глава 5. Заботы и соседи, которые не платят аренду

Я шла обратно к усадьбе, и с каждым шагом настроение портилось всё сильнее. Пятьдесят пять серебряных звенели в кошельке приятно, но я понимала, что это капля в море. Хорошо хоть с ломбардом повезло, и старичок попался не слишком жадный. А встреча с Мирандой хоть и взбодрила, но теперь, когда адреналин схлынул, оставила неприятный осадок.

Я завершила за угол нашей улицы и сразу увидела Лину. Она стояла прямо посреди тротуара, вцепившись руками в подол платья, и смотрела на входную дверь так, будто та могла в любой момент ожить и укусить. Завидев меня, девушка рванула навстречу с такой скоростью, что я испугалась.

— Леди! Леди! — затараторила она, хватая меня за руку. — Там! Я вытирала пыль, а потом наверх пошла, а там... там...

— Кто? — спросила я, хотя уже догадалась.

Она судорожно вздохнула, вытаращила глаза и выпалила:

— Призрак!

Она всхлипнула и уткнулась носом мне в плечо.

Я вздохнула. День только начинался, а уже пришлось отбиваться от любовницы бывшего мужа и выслушивать новости о неупокоенных душах. И всё это до обеда.

— Ладно, — сказала я и похлопала Лину по спине. — Пойдем разбираться.

— Леди, не надо! — она вцепилась в меня мертвой хваткой. — Они же злые! Они же нас убьют!

— Лина, — перебила я. — Ты хочешь ночевать на улице?

Она замялась, но руку не отпустила.

— Тогда пошли. Если призраки такие страшные, почему они тебя до сих пор не сожрали? Ты же много времени там провела.

Лина открыла рот, закрыла и задумалась. Видимо, этот простой вопрос не приходил ей в голову. Пока она переваривала мысль, я подошла к двери, толкнула ее и шагнула внутрь.

В прихожей ничего не изменилось — все та же пыль, тот же запах сырости и мышей. Я остановилась, прислушиваясь. Тишина. Только где-то наверху скрипнула половица, и с улицы донесся крик разносчика.

— Эй! — крикнула я в пустоту. — Есть кто живой? Или неживой?

Лина за моей спиной тихо заскулила.

И тут я его услышала. Звук шел сверху, с лестницы — низкое, тягучее завывание, от которого волосы на затылке зашевелились сами собой. Я подняла голову.

На верхней ступеньке что-то висело в воздухе. Что-то полупрозрачное, серовато-белое, аморфное, но при этом определенно имеющее очертания человека. Оно колыхалось, словно студень на ветру, и выло. Не громко, скорее жалостливо, но от этого звука хотелось забиться в угол и накрыться одеялом с головой.

Я сглотнула и заставила себя стоять на месте. Призрак замер, глядя на меня, если у него вообще были глаза в этой призрачной массе. Мы смотрели друг на друга. Он — сквозь пустоту глазниц, я — сквозь пыль, которая поднялась от моих шагов. Время тянулось бесконечно долго.

Призрак не нападал. Он просто висел в воздухе, переливался перламутром и ждал. Я ждала тоже. За моей спиной Лина тихо подвывала в такт призраку.

— Ладно, — сказала я наконец. — Ты на меня кидаться будешь или как?

Призрак обиженно завыл громче.

Я сделала шаг в сторону. Призрак проводил меня взглядом, но с места не сдвинулся. Я шагнула еще раз, обходя его по дуге. Он поворачивался за мной, но оставался на месте. Я дошла до двери в коридор, взялась за ручку и обернулась.

— Я здесь жить буду, — сказала я ему спокойно. — Если хочешь оставаться, оставайся, мне не жалко.

Я шагнула к лестнице, намереваясь подняться и посмотреть, что там наверху. И тут призрак, видимо, решил, что так просто его игнорировать нельзя. Он издал такой жуткий вопль, что у меня заложило уши, рванул с места и пролетел прямо сквозь меня.

Ощущение было мерзкое, словно меня окатили ледяной водой и одновременно пропустили через кисель. Я поежилась, передернула плечами и обернулась. Призрак исчез в глубине коридора, ведущего в гостиную, оставив после себя только едва заметное холодное марево.

Я вздохнула. Постояла, прислушиваясь к себе. Вроде целая. Даже не чихается.

— Вот же нахал, — сказала я в пространство. — Я ему по-человечески, а он сквозь меня летает.

— Леди! Леди, вы живы? — Лина выглядывала из-за двери, готовая в любой момент рвануть на улицу.

— Жива, — буркнула я, потирая руки, на которых до сих пор были мурашки. — И что это было? Обиделся он, видите ли. А я тут при чем? Я вообще-то жить сюда пришла, а не развлекать всяких... Живут тут бесплатно, еще и обижаются, что я зашла в собственный дом. Ну уж нет.

Я сложила руки рупором и крикнула в глубину коридора:

— Слушайте вы там! Я — Карина, новая хозяйка этого дома! Усадьба теперь моя по праву наследства! Если хотите тут оставаться, милости прошу, но при условии, что вести себя будете прилично и на людей не кидаться! А если нет, вон пошли! На кладбище места много!

Тишина. Я ждала, чувствуя, как Лина вцепилась мне в локоть так, что пальцы побелели. И вдруг откуда-то сверху донеслось не то всхлипывание, не то обиженное бормотание. А потом все стихло.

— Так-то лучше, — сказала я и повернулась к Лине. — Пошли на рынок. У нас куча дел, а до вечера надо успеть все.

Лина кивнула, но взгляд у нее был такой, будто она до сих пор не верит, что я жива и стою перед ней.

Рынок гудел и переливался красками, как огромный улей. Мы с Линой пробирались между рядов, и я вертела головой во все стороны, пытаюсь запомнить, где что лежит. Овощи, фрукты, мясо, рыба, ткани, посуда — глаза разбегались. Но главное, что мне было нужно, я заметила еще издали.

В самом конце ряда, где торговали бакалеей, сидел старик с совершенно несчастным видом. Перед ним стояли три больших мешка, из которых торчала солома, а на соломе лежали таблички с коряво выведенной надписью: «Кофе. Лучший в Империи».

Никто к старику не подходил. Прохожие косились на мешки, морщились и проходили мимо.

Я подошла ближе. Старик поднял на меня выцветшие, усталые глаза с красными прожилками.

— Кофе, госпожа? — спросил он без всякой надежды в голосе. — Лучший сорт, из-за моря везли. За полцены отдам, только заберите.

— А почему за полцены? — спросила я, развязывая один мешок.

— Да кто ж его пьет-то, — махнул рукой старик. — Дурь заморская. Я на сладкие обещания повелся, купил партию большую. Думал, пойдет. А оно вон как вышло. Плесневееет оно быстро, горькое, как полынь. Никто не берет.

Я запустила руку в мешок и вытащила горсть зерен. Они пахли так, что у меня голова закружилась от ностальгии, это был вкусный, насыщенный аромат. Зерна были крупные, ровные, без следов плесени, видимо, старик хранил их правильно, в соломе, чтобы не отсыревали.

— Сколько просите? — спросила я, пряча улыбку.

Старик назвал цену. Я присвистнула про себя, даже за полцены выходило прилично. Но торговаться меня учили в прошлой жизни хорошо.

— Многовато, — сказала я, качая головой. — Зерно-то лежалое. Да и кто его покупать будет, сами говорите. Я риск беру на себя.

— Госпожа, — взмолился старик, — Оно же свежее, я его в соломе держу, как учили. Еще полгода пролежит спокойно. А я денег вложил, мне отбивать надо.

— Третью, — сказала я твердо. — Треть от вашей цены, и я забираю все три мешка.

Он замялся, заерзал на ящике, служившем ему стулом. Я ждала, спокойно глядя ему в глаза. Лина дергала меня за рукав и шипела что-то про то, что леди не положено торговаться, но я не обращала внимания.

— Хорошо, — сказал старик наконец. — Не хочу эти мешки тащить обратно, спину сорву.

— Идет, — кивнула я и вытащила кошель.

Мы отсчитали монеты, и старик буквально убежал, словно боялся, что я передумаю. Я же смотрела на три мешка кофе с чувством победы.

— Леди, — прошептала Лина, когда мы наняли мальчишку с тележкой, чтобы довезти мешки до усадьбы. — Леди, зачем нам столько этой гадости? Ее же никто не пьет!

— Лина, — я повернулась к ней и улыбнулась. — То, что кофе никто не пьет, не значит, что это гадость. Это значит, что никто не умеет его готовить. А я умею.

Она посмотрела на меня с сомнением, но спорить не стала.

Кристаллы мы купили в лавке на соседней улице. Там торговали всякими магическими штуками, от отпугивателей мышей до нагревательных элементов для готовки. Продавец, молодой парень в очках с толстыми линзами, долго объяснял мне, какие кристаллы для чего нужны и как их менять.

— Для воды вот эти берите, — говорил он, выкладывая на прилавок мутноватые камешки. — Они дешевле, греют хорошо. Для унитаза нужны специальные, с синим отливом, они отходы перерабатывают. Для освещения прозрачные, видите, как светятся?

Я смотрела на кристаллы и чувствовала себя первоклассником, который пытается понять высшую математику.

— А эти? — спросила я, указывая на темные, почти черные камни в углу витрины.

— Отработанные, — махнул рукой парень. — Если хотите, могу дешево отдать. Но они пустые, заряжать надо. А зарядка дороже новых выйдет.

Я кивнула, запоминая. В хозяйстве пригодится все, особенно информация.

Набрав кристаллов на двадцать серебряных — самых ходовых, для воды, тепла и освещения — я расплатилась, и мы с Линой, нагруженные пакетами, отправились дальше. Мальчишка с тележкой уже уехал вперед с кофе, так что продукты пришлось тащить самим.

Мы купили хлеба, круп, масла, вяленого мяса, это хранилось долго и не требовало готовки, овощей, корней и приправ.

В усадьбу мы вернулись, когда солнце уже клонилось к закату. Мальчишка сидел на крыльце, охраняя мешки с кофе, и грыз яблоко. Я расплатилась с ним, и мы с Линой затащили все внутрь.

— Ну что, — сказала я, оглядывая гору пакетов и мешков в прихожей. — Начнем?

Лина вздохнула, закатала рукава и кивнула.

Уборка заняла остаток дня. Мы драили полы, вытирали пыль с мебели, выбрасывали прогнившие тряпки и мышьиные гнезда. Лина нашла в чулане старые ведра и тряпки — драные, но чистые после стирки, которую она устроила в найденной во дворе бочке с дождевой водой.

Я возилась с кристаллами. Парень в лавке дал мне инструкцию, и я старательно следовала ей. Сначала вставила нагревательные кристаллы в ванную. Щелчок, легкое гудение, и из крана потекла вода. Сначала ржавая, потом чистая и, о чудо, теплая.

Потом взялась за унитаз. Там кристалл вставлялся в специальное углубление, и, судя по инструкции, должен был перерабатывать отходы в золу, которую нужно было просто вытряхивать раз в месяц. Я поставила кристалл, нажала, и унитаз довольно булькнул.

— Работает, — констатировала я. — Жить можно.

Осветительные кристаллы я вставила в те комнаты, где мы планировали находиться чаще всего — в ванную, в гостиную и на кухню. Они зажглись мягким белым светом, разгоняя сумерки. Сразу стало уютнее.

Оставалось самое интересное — погреб. Лина нашла его случайно, когда искала, куда поставить мешки с овощами. Люк в полу кухни был завален старыми ящиками, но, когда мы их сдвинули и подцепили крышку ножом, оттуда потянуло холодом и сыростью.

Я зажгла один из осветительных кристаллов и полезла вниз по шаткой лестнице. Лина осталась наверху на всякий случай, если призраки решат запереть меня в подвале.

Погреб оказался просторным, выложенным камнем. Вдоль стен стояли пустые полки, в углу валялись какие-то рассохшиеся бочки, а в самом конце, за грудой хлама, я заметила еще одну дверь. Маленькую, окованную ржавым железом.

Я подошла, дернула за ручку. Дверь не поддавалась. И ключа нигде не видно.

— Хозяйство бабушки, — пробормотала я. — Ладно, потом разберемся.

Последней в списке дел стояла я сама. Я чувствовала себя грязной, липкой и уставшей до такой степени, что кости гудели. Пыль забилась в волосы, под ногти, въелась в кожу. Я мечтала только о том, чтобы смыть с себя весь этот день.

— Лина, — сказала я, — Иди умойся, переоденься и отдохай. Завтра еще работы полно.

— А вы, леди? — спросила она.

— А я тоже буду мыться. Часа два. И никого ко мне не пускать, даже если сам король пожалует.

Лина хихикнула, но послушно привела себя в порядок и ушла в комнату на первом этаже, где стояла кровать, застеленная найденным в шкафу бельем, которое Лина выстирала и высушила на солнце.

Я пошла в ванную. Зажгла кристаллы — осветительные и нагревательный. Разделась, глядя на себя в большое, уже протертое зеркало. Картина была та еще: бледная кожа, лишний вес, синяк на лбу, круги под глазами, волосы похожи на паклю.

Я залезла в ванну и пустила воду. Теплая, почти горячая, она лилась сверху, смывая грязь, усталость и следы этого сумасшедшего дня. Я намылилась найденным в лавке простым, но пахнущим травами мылом, и терла себя мочалкой, пока кожа не зарозовела.

Я вылезла из ванны, закуталась в найденное в шкафу огромное полотенце — чудом сохранившееся, пахнущее нафталином, но чистое — и пошла в комнату, которую мы с Линой определили как спальню для меня. Там стояла кровать под пыльным балдахином и шкаф с пустыми вешалками.

Я забралась под одеяло, пахнущее сухой травой, которой Лина переложила белье, чтобы отбить запах сырости. Закрыла глаза.

Где-то в доме тоненько выл призрак, обиженно, словно собачка, которую не пустили на колени.

— Завтра разберемся, — пробормотала я в подушку и провалилась в сон без сновидений.

Глава 6. Новые друзья

Утро ворвалось в комнату вместе с солнцем, которое било прямо в незанавешенное окно, и с запахом пыли, которую мы вчера подняли, но так и не добились окончательно. Я лежала пару минут, прислушиваясь к себе. Спина ныла после вчерашних упражнений с тряпкой и ведрами, но в целом организм выражал готовность к новым подвигам. Особенно если учесть, что внизу ждали три мешка кофе и куча работы.

Лина уже хлопотала на кухне, я слышала звон посуды и ее приглушенное ворчание. Видимо, общалась с призраками. Или с тараканами. В этом доме могло быть все что угодно.

Я натянула самое старое платье из тех, что нашлись в саквояже, кое-как заплела еще влажные после вчерашнего мытья волосы и спустилась вниз. Лина встретила меня у подножия лестницы с выпученными глазами и трясущимися руками, в которых она сжимала кочергу, видимо, единственное оружие, которое успела найти.

— Доброе утро, леди, — сказала она, косясь куда-то в угол. — Я тут завтрак приготовила. А они... они снова приходили.

— Кто? — спросила я, хотя ответ знала заранее.

— Призраки, — выдохнула Лина. — По коридорам шляются! Я встала завтрак приготовить, а они мимо меня шмыг, шмыг! Трое! И один на меня посмотрел!

— И что? Съел он тебя?

— Нет, но...

— Вот и хорошо.

Значит, призраки проявляют активность. Хорошо это или плохо пока непонятно. Но раз они не нападают, а только пугают, значит, можно попробовать договориться.

— Ладно, — сказала я. — Сегодня у нас большая уборка. Весь первый этаж должен сиять. А потом займемся вещами. И еще мне нужно найти какой-нибудь стол для кофейни.

Лина всплеснула руками:

— Леди, вы серьезно хотите открыть здесь кофейню? В доме с призраками?

— Лина, призраки — это не проблема. Проблема — отсутствие денег. А кофе нам денег принесет. Так что давай, бери тряпку и пошли.

Мы начали с холла. Я налила воды в ведро, насыпала порошка, который купила на рынке. Это было местное мыльное средство, пахнущее щелоком и золой, но мылилось отлично. Лина ворчала, что леди не должны стоять на коленях и тереть пол, но я быстро заткнула ее просьбой протереть плитуса. Ворчать и тереть плитуса одновременно было сложно, так что она замолчала и сосредоточилась на работе.

Мы драили все подряд. Полы, стены (там, где до них можно было дотянуться), двери, подоконники. Пыль стояла столбом, я чихала, Лина кашляла, но мы не сдавались. К обеду холл приобрел более-менее человеческий вид, и мы переключились на гостиную.

Там, помимо обычной грязи, нас ждала мебель. Диваны и кресла в чехлах, которые мы стащили и вытряхнули во дворе. Под чехлами обнаружилась приличная обивка — местами вытертая, но в целом крепкая. А на чердаке, прикрытая рваным покрывалом, стояла находка, от которой у меня дыхание перехватило.

Три столика. Небольшие, круглые, на изящных ножках. Столешницы из темного дерева, без царапин, только пыльные. Я сдернула покрывало, провела рукой по поверхности.

— Лина, смотри, — сказала я. — Это же идеально для кофейни.

Она подошла, потрогала, поцокала языком:

— Дорогая вещь, леди. Старинная.

Я представила, как на этих столиках стоят чашки с дымящимся кофе, как сидят люди, как пахнет свежей выпечкой... От одной мысли теплело на душе.

— Надо еще найти стулья, — сказала я. — Или хотя бы скамейки. Но это потом. Пока убираем дальше.

Мы перетаскивали столики в холл, расставили у стен, чтобы не мешались, и продолжили уборку. Комнаты на первом этаже сменяли одна другую: маленькая гостиная, кабинет с пустыми книжными шкафами, еще какая-то кладовка, битком набитая хламом. В кладовку мы даже не стали соваться, решили оставить на потом, когда появятся силы и желание разбирать рухлядь.

К обеду я чувствовала себя выжатой как лимон. Руки гудели, колени ныли, спина отказывалась разгибаться. Но результат был налицо — первый этаж сиял чистотой. Ну, насколько это вообще возможно в доме, который десять лет стоял заброшенным.

Мы с Линой сидели на крыльце, пили травяной отвар, решив сделать передышку. Было тихо и спокойно, но я чувствовала чужое присутствие кожей, затылком, тем странным шестым чувством, которое появляется, когда за тобой наблюдают.

— Вылезайте, — сказала я громко, глядя в пустоту. — Все равно ведь знаю, что вы здесь.

Сначала ничего не происходило. Потом воздух дрогнул, и из него проявилась фигура. Высокий мужчина в старомодном фраке, бледный до синевы, с черными волосами, зачесанными назад, и глазами, в которых горел темный, голодный огонь. Он был полупрозрачным, как дым, сквозь него просвечивали обои на стене.

— Добрый вечер, — сказала я, понимая всю абсурдность приветствия в адрес призраков. — Вы сегодня без воя? Прогресс. Вы, собственно, кто такой и что делаете в моем доме?

— Твой дом, — фыркнул он. — Смешная. Этот дом стоял здесь задолго до твоего рождения.

— И что с того? Мне его бабка оставила по завещанию. Значит, мой.

Из воздуха проявилась вторая фигура — маленькая, хрупкая, с крыльями за спиной, похожими на стрекозиные. Девушка, почти девочка, с огромными глазами и копной светлых волос, развевающихся без ветра. Она смотрела на меня с любопытством.

— А она забавная, — сказала девушка тонким, звенящим голосом. — Не боится.

— А чего мне бояться? — пожала я плечами. — Вы же меня ещё не съели. Значит, либо не можете, либо не хотите. И то, и другое меня устраивает.

Третья фигура появилась прямо за спиной у первого. Это была сгорбленная старуха в платке, с длинным крючковатым носом и глазами-бусинками, в которых плясали зеленые искры. Она опиралась на клюку и смотрела на меня с прищуром.

— Умная, — каркнула старуха. — С такими можно дело иметь.

— Вот и отлично, — я сложила руки на груди. — Давайте знакомиться. Я Карина, ныне владелица этой усадьбы и, судя по всему, ваша новая соседка. А вы кто?

Призраки переглянулись. Первый, во фраке, шагнул вперед и поклонился церемонно, но с легкой издевкой.

— Граф Теодор де Варенн, — представился он. — При жизни вампир. При смерти — непонятно что. Занесло сюда из своего мира лет пятьдесят назад, выбраться не могу.

— Врешь, тридцать, — каркнула старуха. — Я раньше тебя тут появилась, а счет веду.

— Баба Яга, — ткнула она клюкой в мою сторону. — Из лесной избушки сюда затянуло, когда померла. Теперь вот маюсь.

— А я фея! — подпрыгнула девушка, и крылья за ее спиной сверкнули на солнце. — Иви! Я из Светлого Леса. Я тут уже лет десять, наверное. Или двадцать. Я время тут плохо чувствую.

Я переваривала информацию. Вампир, баба Яга, фея. В моей усадьбе. И все они призраки, занесенные из других миров.

— А почему вы здесь? — спросила я. — Почему не уходите?

Граф Теодор скривился так, будто я спросила что-то неприличное.

— Потому что не можем, — ответил он. — Этот мир нас не принимает и не отпускает. Мы как... как привязанные. Можем только здесь находиться, в этом доме. За порог — ни шагу.

— А бабка моя? — спросила я. — Она с вами общалась?

Тут все трое оживились. Баба Яга даже клюкой стукнула об пол.

— Агалена-то? — переспросила она. — Конечно общалась. Она нас и пригрела, когда мы тут оказались. Она вообще странная была, твоя бабка. С потусторонним работала, с порталами баловалась. Потому мы к ней и прибились. Кормила нас, чем могла.

— Кормила? — я насторожилась. — Чем?

— Эмоциями, — фея Иви вспорхнула и села на перила лестницы, свесив ножки. — Мы ими питаемся. Только не спрашивай, зачем,ё так уж устроены. Мы голодные.

Она сказала это так жалобно, что я на мгновение даже прониклась сочувствием. Но только на мгновение.

— И чем вас кормила бабка?

— Она нам книги читала, — сказал граф. — Вслух с выражением. Драмы, трагедии, любовные романы. От них много эмоций: страха, печали, радости. Мы наедались.

— Еще сказки рассказывала, — добавила Яга. — Страшные, с подробностями. От них отличная подпитка.

— А иногда она злилась, — хихикнула Иви. — Или плакала. Это самое сытное.

Я представила свою бабку, читающую вслух любовные романы компании призраков, и невольно улыбнулась. Похоже, леди Мортимер была той еще штучкой.

— Хорошо, — сказала я. — С бабкой разобрались. А со мной что? Вы меня вчера напугали, потом сквозь меня пролетели, обиделись за что-то. Чего вы хотите?

Призраки снова переглянулись. Теодор кашлянул.

— Мы хотим есть, — сказал он просто. — И хотим когда-нибудь обрести плоть. Полноценную, настоящую. Это возможно, если мы будем питаться правильно и регулярно. Агалена обещала нам помочь, но не успела.

— А я должна?

— А ты — хозяйка дома, — отрезала Яга. — Значит, и за нас отвечаешь. Не выгонять же ты нас собралась?

Я задумалась. С одной стороны три призрака в доме, которые хотят жрать мои эмоции. С другой бесплатная рабочая сила, если договориться. И не только рабочая, судя по рассказам, все трое были из других миров, со своими знаниями и умениями. Вампир, фея, баба Яга... Это же кладезь информации!

— Ладно, — сказала я. — Давайте договариваться. Я вам — эмоции. Вы мне — помощь по хозяйству. Идет?

Иви захлопала в ладоши, беззвучно, но восторженно. Яга согласно кивнула. Теодор склонил голову набок, подумал и кивнул тоже.

Мы скрепили сделку рукопожатием. Я пожимала холодные, призрачные руки, от которых по телу пробегал мороз, и чувствовала, что только что заключила самую странную сделку в своей жизни.

— А теперь, — сказала я, потирая ладони, в которых все еще покалывало от холода, — Помогите-ка с уборкой.

Следующий день мы убили на уборку. И вот тут призраки показали себя с неожиданной стороны. Оказывается, при желании они вполне могут контактировать с предметами.

Иви оказалась незаменимой для работы на высоте, она просто взлетала под потолок и смахивала пыль с карнизов и люстр. Крылья у нее работали исправно, и через час все люстры в холле сияли так, будто их только что установили.

Теодор, несмотря на аристократическую внешность, ловко орудовал тряпкой и щеткой. Он мыл окна с такой грацией, будто исполнял менуэт, и при этом умудрялся не проливать ни капли воды на подоконники.

Яга взяла на себя кухню. Она гремела посудой, шуршала пакетами, и через пару часов оттуда потянуло такими запахами, что у меня слюнки потекли.

Лина сначала шарахалась от них, но к обеду привыкла настолько, что уже спокойно передавала Яге солонку сквозь ее прозрачную руку и просила посмотреть, не подгорает ли пирог.

Мы перемыли все окна на первом этаже, выскребли полы в холле и гостиной, перетряхнули всю мебель, которая еще могла служить, и выволокли во двор то, что рассыпалось от одного прикосновения. Во дворе теперь возвышалась гора хлама, которую предстояло вывезти, но это были мелочи.

К вечеру мы вымотались так, что я еле ворочала языком. Лина упала на стул в кухне и сидела с закрытыми глазами, пока Яга колдовала над ужином. Иви свернулась калачиком на подоконнике и, кажется, дремала, во всяком случае, крылья у нее безвольно свисали вниз.

— Слушайте, — сказала я, привалившись к косяку. — У меня к вам дело.

Теодор поднял бровь. Яга отвлеклась от кастрюли.

— В погребе есть дверь, — продолжила я. — Закрытая, ключа нет.

Подвал встретил нас темнотой и запахом сырости. Я зажгла световой кристалл, который захватила с собой, и спустилась по лестнице. Призраки плыли следом, подсвечивая дорогу бледным сиянием.

Яга подошла первой к двери. Приложила ладонь к замку, ладонь прошла сквозь металл, но на мгновение железо слабо засветилось зеленым.

— Механизм сложный, — сказала она. — Но не магический. Просто хитрый. Надо нажать в определенной последовательности.

Теодор склонился над дверью, всматриваясь в узорковки.

— Здесь цифры, — сказал он. — Видите? В орнаменте. 3-7-1-4.

— Попробуем, — я подошла и начала нажимать на выпуклости, которые он указал.

Раздался щелчок, и дверь приоткрылась сама, с тихим скрипом. Я толкнула ее и шагнула внутрь.

За дверью оказалась небольшая комната, выбитая в камне. Вдоль стен стояли стеллажи с банками, коробками и мешочками. На полках теснились склянки с разноцветными жидкостями, пучки сухих трав, какие-то порошки в берестяных туесках. Но главное было в центре комнаты.

Там, на невысоком постаменте из черного камня, висело нечто, похожее на разорванный в клочья туман. Оно кружилось, переливалось, и в глубине его мелькали картинки — то лес, то море, то чья-то комната с камином.

— Портал, — выдохнула Иви, влетая следом. — Настоящий портал!

— Ваша бабка держала портал в погребе, — констатировал Теодор без особого удивления. — Что ж, это многое объясняет.

— Она через него получала ингредиенты, — добавила Яга. — Я знала, что у нее есть портал, но не знала, что он тут. Она доставала из него травы, камни, даже мясо иногда.

Я подошла ближе. Портал пульсировал, дышал, и от него веяло чем-то чужим, нездешним. Я протянула руку, но в последний момент отдернула.

— Он капризный, — сказала Яга. — Бабка твоя с ним ругалась часто. То дает, то не дает. То выплюнет что-то полезное, то дрянь какую-нибудь. Но без него она не могла, слишком удобно.

Я смотрела на портал и думала. С одной стороны, неиссякаемый источник ингредиентов. С другой, непонятная магия, капризный характер и неизвестно какие сюрпризы.

— Потом, — решила я. — Сейчас у меня нет времени с этим разбираться. Надо кофейню открывать, столики расставлять, посуду искать. А это... это подождет.

Я закрыла дверь, повесила на место замок и поднялась наверх. Призраки плыли следом, тихо переговариваясь.

— Спасибо, — сказала я призракам. — Выручили.

— Мы договор соблюдаем, — Теодор церемонно поклонился.

— А теперь, — я потерла руки, — Ужинать и спать. Завтра еще работы полно.

Мы поднялись наверх. Яга доваривала ужин, наваристую похлебку с кореньями и мясом, от которой по кухне плыл такой аромат, что я еле дождалась, когда она разольет ее по мискам. Лина накрыла на стол, она нашла в буфете вполне приличную посуду, только пыльную. Призраки сидели рядом, не ели, конечно, но присутствовали, впитывая запахи и эмоции.

Я ела и думала о том, что день прошел не зря. Кофе есть, мебель есть, помощники есть. Осталось только придумать, как все это превратить в работающий бизнес.

Глава 7. Истинность, турка и планы на будущее

Сон пришел тяжелый. Я ворочалась, никак не могла устроить голову на подушке, а когда наконец провалилась в темноту, то сразу поняла: что-то не так.

Я открыла глаза и замерла.

Надо мной, почти касаясь балдахина, висел дракон.

Он был огромным, полупрозрачным, и переливался всеми оттенками серебра. Чешуя мерцала, складываясь в узоры, которые невозможно было запомнить, стоило отвести взгляд, и рисунок менялся. Глаза дракона горели золотом, и в этом золоте я с ужасом узнала тот самый вертикальный зрачок, который видела в глазах бывшего мужа.

Я дернулась, попыталась вскочить, но тело не слушалось.

— Не бойся, Карина, — голос дракона звучал у меня в голове, минуя уши, глубокий и вибрирующий. — Я не причиню тебе вреда.

— Кто ты и какого черта ты делаешь в моей спальне? — я с трудом натянула одеяло до подбородка.

Дракон моргнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Я Тео, — сказал он. — Сущность Кайла эш'Шерра. Его драконья половина.

— Сущность? — переспросила я. — У него теперь и сущность есть? И она со мной разговаривает? Замечательно. Просто замечательно. Может, еще душа придет, извинится за его поведение?

— Кайл не виноват, — в голосе дракона послышались нотки, которые я бы назвала оправдательными. — Он не знает. Он не чувствует того, что чувствую я. Он слишком занят своей обидой и своей Мирандой, чтобы разобраться в собственной сути. Но я чувствую. Ты — моя истинная пара. Наша.

Я моргнула. Потом моргнула еще раз. Потом до меня дошел смысл сказанного, и я рассмеялась, уткнувшись лицом в подушку, чтобы не разбудить Лину, которая спала этажом ниже.

— Истинная пара? — переспросила я, когда смогла говорить. — Ты серьезно? Вы тут все с ума посходили? Муженек меня вышвырнул на улицу, а теперь его драконья половина заявляется ко мне среди ночи и вешает лапшу про истинность?

— Я — не Кайл, — в голосе дракона послышалась обида, самая настоящая, почти детская. — Ты наша истинная пара, Карина. Я понял это в тот день, когда Кайл выгнал тебя. Словно что-то раньше мешало увидеть твою душу, а в тот день получилось. Я почуял твой запах. Он изменился. Ты пахнешь иначе, чем та Карина. Ты пахнешь... мятой и домом. Но Кайл... он не слушает меня. Он считает меня просто голосом инстинктов, животным началом, которое нужно подавлять. Он заткнул меня, запечатал, когда ты ушла. Он не хочет слышать правду.

Я перестала смеяться и посмотрела на него внимательнее. Мята? Я пользовалась мыльным мылом в том мире, до пожара. Здесь такого мыла не было. Откуда он знает?

Призрачный дракон висел в воздухе, и вид у него был не то чтобы устрашающий. Скорее обиженный, как у огромной собаки, которую выгнали из комнаты и не дали вкусняшку.

— Послушай, Тео, — сказала я, стараясь говорить спокойно. — Я не знаю, что там у вас с Кайлом за разборки. Но я в эти игры не играю. Кайл выставил меня за дверь. Он даже не удосужился выяснить, почему у меня нет детей.

— Он ошибается, — твердо сказал Тео. — Он слеп. Ты носишь его ребенка, Карина. Я чувствую эту маленькую искру в тебе. Она горит ярко, как звезда.

У меня внутри все оборвалось. Я машинально положила руку на живот, хотя понимала, что этот дракон видит меня насквозь и никакие жесты не скроют правду.

— Откуда ты знаешь? — спросила я шепотом.

— Я дракон, — просто ответил Тео. — Мы чувствуем свое. Кайл запечатал меня, но я все равно вижу. И я пришел сказать тебе: он поймет. Он поймет, какую ошибку совершил, и придет.

— О, как трогательно, — я почувствовала, как внутри закипает злость. — И я должна буду его простить? Сказать «ой, спасибо, что одумался, дорогой»?

— Я не говорю, что ты должна его простить, — в голосе дракона послышалась горечь. — Я говорю, что он поймет. И ты должна быть готова. Когда дракон находит истинную пару, он не успокоится, пока не вернет ее. Это закон природы.

Я вскочила с кровати. Ноги дрожали, но я заставила себя стоять прямо.

— Слушай ты, — я ткнула пальцем в призрачную морду, и палец прошел сквозь чешую, обдав ледяным холодом. — Я не верю в эту вашу истинность. Не верю! Это просто отмазка для тех, кто не хочет работать над отношениями. Люди сами выбирают, с кем им быть, а не какая-то там судьба.

— Карина...

— Помолчи, — отрезала я. — Я не договорила. Твой Кайл вышвырнул меня на улицу, даже не разобравшись. Он обвинил меня в бесплодии, хотя это он не смог дать мне ребенка за полгода брака. Он привел в дом любовницу, даже не дождавшись, пока я уеду. А теперь ты говоришь мне, что я его истинная пара, и он скоро одумается? Да плевать я хотела на его одуматься! Это мой ребенок. Мой. Он от меня отказался, я от него тем более.

— Но это мой ребенок тоже! — взревел дракон, и от его голоса задребезжали стекла. — Ты не имеешь права!

— А то что? — спросила я. — Пойдешь и скажешь своему Кайлу: «Слышь, приятель, ты лоханулся, иди мириться с бывшей»? Он же тебя даже не слышит, наверное.

— Он не слышит, — согласился Тео. — Но я могу на него влиять. Во сне, в минуты слабости, когда он засыпает и его разум открыт. Я буду приходить к нему и шептать. Я заставлю его вспомнить твой запах, твой голос, твои глаза. Я пробужу в нем то, что он так старательно хоронил.

— А если не получится?

— Получится, — отрезал Тео. — Он дракон. Его инстинкты сильнее разума. Рано или поздно они возьмут верх. И тогда он приползет к тебе на коленях, умоляя о прощении.

— Не дождется, — сказала я, и в голосе зазвенела сталь. — Знаешь, Тео, есть такая штука, гордость. Меня выпшвырнули, как нашкодившую кошку. Меня обозвали пустоцветом. Мне сказали, что я никто и звать меня никак. А теперь, получается, я должна радоваться, что его истинная драконья сущность явилась и сказала: «Он ошибся, прости его»? Да пошел он!

Я вскочила с кровати, намотала одеяло на плечи и заходила по комнате. Тео парил следом, бесшумно, как тень.

— Ты не понимаешь, — заговорил он. — Истинная пара — это не просто слова. Это связь на уровне души. Когда два человека встречаются свою истинную половину, они становятся единым целым. Их магия усиливается, их жизнь продлевается, их дети рождаются сильными и здоровыми. Кайл искал тебя всю жизнь, сам того не зная. А когда нашел испугался. Ты не вписалась в его идеальную картинку. Ты была шумной, расточительной, неудобной. И он решил, что ошибся. Что истинная пара не может быть такой.

— А она не может? — я остановилась и посмотрела на дракона. — Истинная пара не может быть толстой, некрасивой, истеричной и бесплодной?

Тео зарычал.

— Он видел только то, что хотел видеть. А под этим слоем грязи и отчаяния скрывалась ты настоящая. Та, которая сейчас стоит передо мной — злая, гордая, нестигаемая. Именно такую мы и искали.

Я фыркнула.

— Compliments от призрачного дракона это, конечно, лестно. Но мне от этого не легче. У меня кофейня на носу, три призрака на попечении и ни одного золотого в кармане. А твой Кайл пусть катится к своей Миранде.

Дракон молчал. Его глаза горели ровным золотым светом, и в этом свете я не видела обиды или злости. Только печаль.

— Ты не веришь в истинность, — сказал он наконец. — Это... это больно, Карина. Для меня. Потому что я — воплощение этой истинности. Я та часть Кайла, которая любит тебя по-настоящему, без условий, без расчета. А ты говоришь, что меня не существует.

Я замерла. В его голосе было столько боли, что мне на мгновение стало стыдно. Но только на мгновение.

— Послушай, Тео, — сказала я уже спокойнее. — Я не знаю, существуешь ты или нет. Может, ты просто плод моего воображения после тяжелого дня. Но если ты существуешь на самом деле, то должен понять одну простую вещь. Меня предали. И никакая истинность этого не отменит. Даже если Кайл приползет на коленях, даже если он будет умолять, я не обязана его прощать. Я имею право на злость, на обиду, на то, чтобы построить свою жизнь без него.

Дракон склонил голову, и этот жест был таким человеческим, таким печальным, что у меня сжалось сердце.

— Я понимаю, — тихо сказал он. — Я все понимаю. И я не прошу тебя прощать его сейчас. Я просто хотел, чтобы ты знала: ты не одна. Я с тобой. Даже если Кайл слеп и глуп, я вижу тебя. И я буду ждать.

— Ждать чего? — спросила я.

— Того момента, когда ты сможешь поверить, — ответил Тео. — Истинность — это не про счастье и не про любовь с первого взгляда. Это связь. Две половинки одной души не могут существовать друг без друга. Кайл будет страдать без тебя. Я уже страдаю.

— А мне плевать, — я откинулась на подушку. — Пусть страдает. Мне его страдания до фонаря. У меня своих забот полно.

— Ты жестокая.

— Я реалистка. А теперь убирайся из моей спальни, пока я не позвала бабу Ягу. Она тебя быстро выкурит.

Дракон обиженно сверкнул глазами, но растворился в воздухе. Я проснулась резко, как от толчка. В комнате было темно, за окном едва брезжил рассвет. Сердце колотилось где-то в горле, на лбу выступила испарина. Я села на кровати, прижимая руку к груди, и пыталась успокоить дыхание.

— Приснится же такое, — прошептала я в пустоту. — Драконы, истинность... С ума сойти.

Я откинулась на подушку, уставилась в потолок. Сон был слишком реальным, слишком ярким. Я помнила каждое слово, каждый отблеск чешуи, каждое дуновение ветра от крыльев.

— Нет, — сказала я вслух. — Это просто сон. Последствие переутомления и нервного срыва.

Я зажгла световой кристалл на тумбочке, посмотрела на часы. Половина шестого. Слишком рано, чтобы вставать, но слишком поздно, чтобы снова заснуть.

Я лежала еще немного, глядя в потолок и прокручивая в голове события вчерашнего дня. Усадьба, призраки, портал в подвале... И теперь этот дурацкий сон. Будто мало мне проблем в реальности, так еще и подсознание решило подключиться.

Я встала рано, разбудила Лину, и мы принялись за оставшуюся уборку. Вчера мы вычистили первый этаж, сегодня надо было заняться тем, что осталось.

Кухня оказалась просторной, с огромным очагом, который работал на магических кристаллах, и множеством полок и шкафов. Яга уже хозяйничала там, переставляя горшки и банки с места на место, и при нашем появлении только махнула рукой.

— Занимайтесь своим делом, — каркнула она. — Я тут сама разберусь. Мне порядок нужен, чтоб готовить сподручно было.

Мы с Линой вытащили из кладовки длинный комод, который я заметила еще вчера. Он был массивным, из темного дерева, с множеством ящиков и резными ножками. Пыли на нем скопилось столько, что мы чихали, пока тащили его в холл.

— Сюда, — скомандовала я, указывая на стену напротив входа. — По центру.

Мы кое-как придвинули комод к стене, и я отошла, оценивая результат. Высоты не хватало. Для нормальной барной стойки нужно было что-то сверху.

— Надо доску, — сказала я. — Длинную, широкую, чтобы закрыла весь комод и свисала немного спереди.

Лина задумалась, а потом хлопнула себя по лбу.

— Там, на чердаке, я видела дверь старую! — воскликнула она. — Дубовая, тяжелая, но гладкая. Может, подойдет?

Мы полезли на чердак. Дверь действительно лежала там, прикрытая рваным половиком. Огромная, массивная, из цельного дуба, она была тяжелой, как грехи мои бывшего мужа. Мы вдвоем еле сдвинули ее с места, но когда перевернули, я поняла, что это то, что надо. Гладкая поверхность, никаких щелей и дыр, только старая, потемневшая от времени древесина.

— Тащить придется долго, — выдохнула Лина, упираясь руками в край.

— А призраки на что? — я повернулась и крикнула в пустоту: — Теодор! Иви! Работа есть!

Через минуту оба материализовались рядом. Теодор во фраке, с идеальной прической, Иви с крыльями, сверкающими в сумраке чердака.

— Помогите дверь вниз спустить, — попросила я. — И на комод положить.

Призраки переглянулись, но спорить не стали. Теодор взялся за один край, Иви за другой, и дверь поплыла в воздухе, послушно следуя за ними. Мы с Линой только направляли, чтобы она не задела стены. В холле призраки уложили дверь на комод, и я ахнула.

Получилось идеально. Дубовая доска закрыла всю верхнюю часть комода, свисая спереди ровно настолько, чтобы за ней можно было стоять, как за настоящей стойкой. Оставалось только прикрепить ее, но это уже мелочи.

— Осталось столики расставить, — сказала я, вытирая пот со лба. — Те три, что мы нашли, пусть стоят у окон. И надо бы еще пару найти, или скамейки какие-нибудь.

— В подвале есть старая мебель, — подала голос Иви с подоконника, где она грелась в луче солнца. — Я видела, когда мы за порталом ходили. Там стулья, кажется.

Я отправилась в подвал, прихватив световой кристалл. Действительно, за той самой комнатой с порталом обнаружился еще один закуток, заваленный старой мебелью. Там были резные стулья, с высокими спинками, обитые когда-то красивым бархатом, но сейчас потертые и пыльные. Я насчитала восемь штук, и все в приличном состоянии, если почистить и обивку подлатать.

— Тащите вверх, — скомандовала я призракам, которые спустились следом.

Через час стулья стояли вокруг столиков, и холл начал походить на настоящее кафе. Уютное, старое, с душой. Я оглядела дело рук своих и довольно кивнула.

После обеда, когда основная работа была сделана, я вспомнила про портал. Он не давал мне покоя с того самого момента, как мы его нашли. Капризный, непредсказуемый, но потенциально бесценный источник всего, что может понадобиться в хозяйстве.

— Я спущусь в подвал, — объявила я, отставляя пустую кружку.

— Зачем? — насторожилась Лина.

— Портал провести.

Лина побледнела, но промолчала. Иви и Яга вызвались составить мне компанию, и мы втроем спустились по скрипучей лестнице вниз.

В подвале было темно и сыро. Я зажгла световой кристалл, и тусклый свет выхватил из темноты стеллажи с банками и постамент с порталом. Он висел в воздухе, переливаясь, и от него веяло чем-то чужим, нездешним.

Я подошла ближе. Портал пульсировал, дышал, и в глубине его мелькали картинки — то лес, то комната, то чье-то лицо, которое исчезало, не успев сложиться в узнаваемый образ.

Я подошла ближе. Сердце колотилось где-то в горле, руки вспотели, но я заставила себя остановиться в шаге от портала.

— Бабка совала руку прямо внутрь и шептала что-то. Главное — четко формулировать, — сказала Яга. — А то он начинает шутить.

Я кивнула, собираясь с духом. Потом закрыла глаза, сунула руку в самую середину пульсирующей мглы и зашептала:

— Пожалуйста. Мне очень нужна турка.

Руку обдало холодом и жаром одновременно. Пальцы сжались вокруг чего-то твердого, мокрого. Я рванула на себя и вытащила...

Табличку.

Мокрая табличка, на которой корявыми буквами было выведено одно слово: «Турка».

Я повертела её в руках. Мокрая, пахнет рекой, тиной и рыбой. Я тупо смотрела на табличку несколько секунд. Потом до меня дошло. Портал воспринял мою просьбу буквально. Я просила турку, он дал Турку. Ту самую, которая река в Восточной Сибири.

Я рассмеялась. Сначала тихо, потом громче, потом уже почти истерически. Призраки смотрели меня с недоумением.

— Он издевается, — выдохнула я, вытирая слезы. — Портал издевается. Я сказала «турка», а он дал табличку с названием реки. Потому что я не уточнила, какая именно турка мне нужна!

Иви хихикнула, прикрывая рот ладошкой. Яга задумчиво поцокала языком.

— Агалена с ним тоже так мучилась, — сказала она. — Привыкай. Он умный, но вредный. Надо учиться формулировать четко.

— Ты капризный, — сказала я порталу. — Бабка с тобой ругалась, и я теперь понимаю почему.

Портал вздохнул, по комнате прошло легкое колебание воздуха, словно выражая разочарование.

— Ладно, — я потерла лицо рукой. — Попробуем еще раз. Дай мне, пожалуйста, турку для варки кофе, медную с длинной ручкой, в которой варят кофе. Понял?

Портал задумался. Я чувствовала это кожей, словно он перебирает варианты, ищет, сопоставляет. Потом что-то щелкнуло, и в глубине марева показался предмет. Я сунула руку, схватила его и вытащила.

На этот раз это была турка. Настоящая медная турка с длинной ручкой, широким дном и узким горлышком. Тяжелая, красивая, чуть потемневшая от времени, но абсолютно целая.

— Спасибо, — сказала я искренне. — Ты молодец.

Портал довольно засветился ярче и затих.

Призраки одобрительно зашумели. А я стояла и смотрела на турку. Первая победа. Теперь можно варить кофе.

Глава 8. Кофе, знакомства и неожиданные предложения

Спала я на удивление хорошо, без снов, видимо, организм требовал отдыха после вчерашней уборки и знакомства с призраками. Тео, этот драконий призрак, больше не являлся, и я решила, что тот разговор мне всё-таки приснился. Потому что одно дело призраки в доме, с этим я как-то смирилась, и совсем другое драконья половина бывшего мужа, которая заявляется по ночам и вещает про истинность.

Я спустилась вниз, где меня уже ждала Лина с завтраком. Она поставила на стол миску с овсяной кашей и кружку травяного отвара. Я жевала и смотрела на три мешка с зёрнами, стоящие в углу кухни.

— Лина, — сказала я, проглотив очередную ложку. — Сегодня мы будем варить кофе.

Она посмотрела на меня с таким выражением, будто я предложила сварить суп из камней.

— Леди, его же никто не пьёт. Я на рынке слышала, как торговцы переговаривались, дрянь, говорят, редкая, горькая, как полынь, и пахнет непонятно чем.

— Они просто не умеют его готовить, — я доела кашу и поднялась. — Вот увидишь.

Сковорода нашлась в том же шкафу, где Лина обнаружила посуду — чугунная, тяжёлая, с толстым дном. Я поставила её на огонь и высыпала зёрна. Они зашуршали по раскалённому металлу, и через минуту по кухне поплыл такой запах, что Лина замерла с половником в руке, а Иви прилетела с чердака, сверкая крыльями.

— Что это? — спросила Лина, втягивая носом воздух. — Пахнет... вкусно.

— Кофе, — ответила я, ловко встряхивая сковороду. Зёрна темнели, лоснились маслом, и я ловила тот самый момент, когда они начнут потрескивать. — Настоящий кофе.

Я сыпала обжаренные зёрна в ступку и принялась толочь. Ритмичный стук камня о камень заполнял кухню, а запах становился всё гуще, всё насыщеннее. Лина подошла ближе, заглядывая через плечо.

Я засыпала молотый кофе в турку, залила водой, обязательно чистой, из кувшина, который Лина принесла с утра от колодца, и поставила на самый медленный огонь. Кристаллы я убавила до минимума, чтобы жар шёл едва-едва.

— Вода обязательно должна быть чистая, — объясняла я Лине, пока ждала, когда кофе начнёт закипать. — Если вода плохая, вкус испортится. И греть надо медленно. Кофе любит внимание.

Я разлила готовый кофе по двум маленьким чашкам, одной для меня, второй для Лины. Лина смотрела в чашку с подозрением, нюхала, морщила нос.

— Леди, а это точно можно пить? — спросила она.

— Пей, — я поднесла чашку к губам. — Только осторожно, горячо.

Первый глоток обжёг язык, но следом пришла густая горечь с ореховой ноткой, долгое послевкусие. Я закрыла глаза и чуть не застонала от удовольствия. Почти месяц без кофе. Почти месяц в этом мире без единой капли нормального напитка. Я пила и чувствовала, как возвращаюсь к жизни.

Лина тем временем сделала маленький глоток, замерла, потом ещё один. Её глаза расширились.

— Леди, — сказала она тихо. — Это же вкусно. Это правда вкусно! А почему все говорят, что кофе гадость?

— Потому что никто не умеет его варить, — ответила я, доливая остатки из турки в свою чашку. — Но для начала надо понять, понравится ли он людям.

Ответ пришёл быстрее, чем я ожидала, и с самой неожиданной стороны.

Мы с Линой как раз домывали посуду после завтрака, когда на улице послышались шаги и чей-то неуверенный голос. Я выглянула в окно. На крыльце стоял мужик в пыльной робе, с красным от загара лицом и мозолистыми руками, которые он мял перед собой, явно стесняясь.

— Эй, хозяева! — крикнул он, озираясь. — Есть кто? Мне б дорогу спросить...

Я вышла на крыльцо, вытирая руки о фартук. Мужик окинул меня быстрым взглядом и смутился ещё сильнее.

— Заблудился я, — сказал он. — Мы тут строим неподалёку, дом новый. А я за табаком пошёл и свернул не туда. Теперь не пойму, где я. Где тут улица Ветряная? А то наши сказали, направо, а я свернул и заблудился в этих ваших кварталах.

— Ветряная? — я задумалась, вспоминая карту города, которую вчера показывала Лина. — Это два дома после нас прямо, потом налево, у старой пекарни повернёте и упрётесь.

— Спасибо, — он уже собрался уходить, но тут его нос дёрнулся. Он втянул воздух, принялся, как охотничья собака.

— А чё это так пахнет? — спросил он, заглядывая мне через плечо.

— Кофе, — ответила я. — Мы тут собираемся на днях кофейню открывать. Хотите попробовать первым наш кофе?

Он замялся, переступил с ноги на ногу.

— Да я не знаю... Кофе, говорят, гадость редкая.

— Мой кофе — не гадость, — сказала я твёрдо. — Зайдите, попробуйте. Если не понравится, нальём чаю, я не обижусь.

Он подумал, почесал затылок и шагнул через порог. В холле огляделся, заметил столики, стулья, комод-стойку и присвистнул.

— А у вас тут уютно, — сказал он. — И чисто. Я думал, тут давно всё заброшено.

Я налила кофе в самую красивую чашку из тех, что мы нашли в буфете, белую, с золотым ободком, без единой трещинки. Поставила перед ним на блюдце, положила рядом ложечку. Рядом положила сахар и кувшин с молоком.

Мужик смотрел на чашку недоверчиво, потом взял, поднёс к носу, понюхал. Поморщился, видимо, запах показался слишком сильным. Подул, отхлебнул маленький глоток.

Я следила за его лицом. Сначала он просто сидел с чашкой в руке, глядя в одну точку. Потом добавил сахара и молоко, его глаза медленно, очень медленно расширились, зрачки стали огромными, и на лице появилось такое выражение, будто ему только что открыли тайну мироздания.

Он выпил вторую чашку так же быстро, как первую, но теперь уже не замирал, а довольно шурился и облизывал губы. Посидел ещё немного, потом встал и направился к двери.

— Спасибо, хозяйюшка, — сказал он на пороге.

И ушёл. Лина выглянула из кухни, вытирая руки.

— Убежал? — спросила она. — Не понравилось?

— Понравилось, — ответила я, убирая чашку.

Ждать подтверждения этому пришлось недолго. К обеду с улицы донеслись голоса. Я выглянула в окно и увидела несколько мужиков в таких же пропыленных робах, которые валили к крыльцу, размахивая руками и перекрикивая друг друга. Впереди шагал тот самый первый клиент и тыкал пальцем в сторону усадьбы.

— Вот здесь! — кричал он. — Я ж говорю, там наливают какую-то дурь, после которой энергии валом!

Мужики галдели, толкались, но вели себя вполне мирно. Я вышла на крыльцо, и они разом замолчали, уставившись на меня.

— Здравствуйте, — сказала я. — Кофе хотите?

— А сколько стоит? — спросил один, подозрительно шурясь.

Я назвала цену. Чисто символическую, столько же, как они заплатили бы в любой харчевне за чай. Мужики переглянулись, закивали, и через полчаса у меня во дворе за накрытым столиком сидели шестеро здоровых строителей, пили кофе из найденных в буфете чашек, закусывая свежими булочками, и довольно крякали.

Я варила кофе в трёх турках одновременно, Лина разносила чашки, а призраки выглядывали из окон и с интересом наблюдали за происходящим. Иви даже пару раз пролетела над головами гостей, но те её не заметили, слишком были увлечены новым напитком.

Первые деньги. Первые довольные клиенты. Первая маленькая победа.

Мужики ушли, оставив на столе горку медяков и обещание вернуться завтра. А я, собрав монеты, отправилась в город.

Я прикинула, что нам нужно. Вывеска, листовки, посуда. И ещё нужен френч-пресс. Потому что варить кофе в турке для толпы посетителей медленно и муторно. А френч-пресс позволит заваривать сразу несколько чашек.

Я вспомнила, что Лина рассказывала про чайную лавку на соседней улице, где продают всякие заварные устройства. Может, там найдётся что-то похожее.

Чайная лавка оказалась именно такой, как я представляла. Тёмное дерево, полки с жестяными банками, запах трав и цветов. Хозяин, сухой старичок с длинной седой бородой, встретил меня приветливо, но без особого интереса, мало ли леди заходят побаловаться травяными сборами.

— Мне нужно вот такое устройство, — сказала я, протягивая рисунок.

— Это вы про чайный пресс? — спросил он, вытаскивая запылившуюся коробку. — Редкая штука, почти не берут. Говорят, неудобно. А мне нравится, заварил, нажал, и листья не плавают.

Он открыл коробку, и я увидела то, что искала. Стеклянная колба, металлический каркас, поршень с сеточкой. Настоящий френч-пресс, пусть и под другим названием.

— Сколько? — спросила я.

Он назвал цену, я даже не стала торговаться, купила сразу две штуки, на всякий случай. Продавец удивился, но деньги взял и даже дал пару пакетиков редкого чая в подарок.

Я уже выходила из лавки, прижимая к себе покупки, когда услышала за спиной хихиканье. Обернулась.

Неподалеку стояла группа девушек. Красивых, холёных, в дорогих платьях. Подружки Карины, с которыми она когда-то играла в карты и ходила по магазинам. Они смотрели на меня и перешёптывались, прикрывая рты ладошками. Одна, высокая брюнетка с точеными скулами, сказала что-то, и все прыснули.

Я узнала их. Память Карины подкинула имена, лица, обрывки разговоров. С этими девушками она проигрывала деньги в казино, с ними же сплетничала о мужьях и любовниках, а когда её выгнали, никто из них даже не поинтересовался, как она.

Я постояла секунду, глядя на них. Потом развернулась и пошла дальше. Не было у меня ни времени, ни желания выяснять, что они там шепчут. Пусть себе шепчут. Мне от этого ни жарко ни холодно.

Типография нашлась на соседней улице. Это было маленькое здание с большими окнами, за которыми виднелись станки и горы бумаги. Я толкнула дверь, вошла.

Внутри пахло краской, бумагой и чем-то ещё, неуловимо знакомым. За конторкой сидел молодой человек и перебирал кипы листовок. При моём появлении он поднял голову и вежливо улыбнулся.

— Чем могу помочь?

Я выложила на стойку листок с текстом, который сочиняла полночи.

— Мне нужно отпечатать листовки, — сказала я. — Вот текст. Тираж двести штук. Бумага попроще, чтобы недорого, но шрифт читался хорошо.

Он взял лист, развернул, начал читать. И по мере того, как он читал, его лицо вытягивалось. Сначала брови поползли вверх, потом рот приоткрылся, а в конце он просто уставился на меня с таким выражением, будто я предложила ему напечатать приглашение на бал к демонам.

— Госпожа, — сказал он осторожно. — Вы это серьёзно?

— Абсолютно, — кивнула я.

Он перечитал ещё раз, шевеля губами. Потом хмыкнул, почесал затылок.

— Ладно, ваше дело. Двести штук сделаем, через пару дней будет готово. Деньги вперёд.

Я отсчитала монеты, он выдал мне расписку, и я вышла на улицу, довольно потирая руки. Листовки вышли отличные, с юмором, с вызовом, с той самой изюминкой, которая заставит людей хотя бы заинтересоваться.

Я завернула за угол и нос к носу столкнулась с девушкой. Она шла быстро, чуть не сбив меня с ног, и уже открыла рот, чтобы извиниться, когда узнала.

— Карина? — выдохнула она.

Я всмотрелась в лицо.

— Тиана, — вспомнила память Карины, и я улыбнулась. — Привет.

— Привет, — она схватила меня за руки. — Карина, как ты? Я слышала... мне так жаль! Твой муж, этот развод... Ты как? Где ты? Я искала тебя, но никто не знал, куда ты делаешь. Твои родители сказали, что ты уехала и не хочешь ни с кем общаться, а я не верила...

Она тараторила, сжимая мои пальцы, и я чувствовала, что это не пустые слова. Тиана действительно волновалась. Дочь какого-то обедневшего дворянина, если верить памяти Карины, они дружили, пока Карина не выскочила замуж, а потом не понеслась по наклонной.

— Я в порядке, — сказала я, высвобождая руки. — Правда. Живу в усадьбе бабки. Призраков приручаю, кофе варю.

Тиана замерла, переваривая информацию. Потом вдруг рассмеялась звонко, искренне, от души.

— Ты всегда была сумасшедшей, — сказала она. — Но я рада, что ты в порядке. Правда рада.

— А ты как? — спросила я. — Чем занимаешься?

Она вздохнула и махнула рукой.

— Да так, ничего хорошего. Академию закончила месяц назад, по специальности бытовые чары. А работу найти не могу. Везде просят опыт, а где его взять, если только что выпустилась? Дома сижу, мать пилит, что зря училась.

Я замерла. Бытовые чары. Именно то, что нам сейчас нужно в усадьбе до зарезу.

— Таина, — сказала я осторожно. — А что ты конкретно умеешь?

— Всё, — Тиана пожала плечами. — Ну, заклинания починки, если что-то сломалось, могу починить. Чистить могу, грязь убрать, пыль, пятна всякие. Восстановление, если ткань

порвалась или дерево треснуло, могу срastить. Ну и по мелочи. В Академии нас учили всему, что нужно в быту.

— А плитку на полу можешь отреставрировать? — спросила я.

— Могу, — она посмотрела на меня с недоумением. — Это не сложно, там главное структуру восстановить и цвет подобрать.

— А стены выровнять? Потолок побелить? Окна законопатить?

— Легко, — она уже начинала понимать, к чему я клоню. — Карина, ты что, предлагаешь мне работу?

— Предлагаю, — кивнула я. — У меня в усадьбе ремонта непчатый край. Если ты действительно сможешь помочь, я тебя с руками оторву. Жильё дам, кормить буду, деньги платить, сначала не много, но буду. Согласна?

Тиана смотрела на меня так, будто я предложила ей место при дворе.

— Согласна, — выдохнула Тиана. — Когда приступать?

Мы пошли по улице, и я слушала её рассказы об Академии, о заклинаниях, о том, как трудно девушке-магу пробиться в этом мире. А в голове уже крутились планы.

— Ты правда не боишься призраков? — спросила я, когда мы подходили к усадьбе.

— А чего их бояться? — Тиана пожала плечами. — Мы в Академии мороков и духов проходили. Если они не злобные, то с ними можно договориться.

— Они хорошие, — подтвердила я.

Глава 9. Магия, ремонт и первая рекламная кампания

Тиана шла рядом и с любопытством разглядывала улицы, по которым я её вела. Когда мы свернули в наш переулок и перед нами открылась усадьба, она присвистнула.

— Ничего себе, — сказала она. — Я думала, тут совсем развалины, а выглядит... ну, не так страшно.

Мы вошли в холл, и Тиана замерла, разглядывая высокие потолки, лестницу, столики, расставленные у стен.

Из кухни вынырнула Лина, увидела Тиану и насторожилась.

— Это Тиана, моя давняя подруга, — представила я. — Она маг, будет помогать с ремонтом. Тиана, это Лина, моя правая рука и главный помощник.

Девушки поздоровались, и Тиана принялась осматриваться уже профессиональным взглядом. Она обошла холл, потрогала стену, постучала по мраморной плитке на полу.

— Плитку я восстановлю, — сказала она. — Трещины заделаю, цвет подгоню, заполирую так, что новой будет не отличить. Но это временно.

— В смысле временно? — насторожилась я.

— Мои чары держатся, пока я их подпитываю, — объяснила Тиана. — Если я уйду или просто перестану тратить на них силу, они рассеются. Не сразу, постепенно. Месяца через два-три плитка снова потрескается. Поэтому настоящий ремонт потом всё равно придётся делать, по-человечески, строителями.

Я вздохнула. Понятно, магия штука удобная, но недолговечная. Ладно, будем иметь в виду.

— А стены? — спросила я.

— Стены выровняю, покрашу. Краску надо купить.

— Хорошо, — кивнула я.

Из воздуха материализовался Теодор. Во фраке, с идеальной осанкой и слегка надменным выражением лица. Тиана вздрогнула, но не закричала и не побежала.

— Ещё одна смертная, — сказал граф. — Карина, ты коллекционируешь их?

— Это Тиана, — сказала я. — Наша новая сотрудница. Она маг, будет помогать с ремонтом. Так что будь добр, прояви вежливость.

Теодор склонил голову церемонно, но с явной неохотой.

— Маг, значит. Что ж, посмотрим, на что вы способны, юная леди.

Иви выпорхнула откуда-то сверху, приземлилась на перила лестницы и захлопала в ладоши.

— Ой, какая ты красивая! — воскликнула она. — Ты правда маг? А покажешь что-нибудь? А можешь меня сделать непрозрачной?

Тиана смотрела на фею с открытым ртом, но быстро взяла себя в руки.

— Такое не могу, — сказала она. — Вы же призрак, это не ко мне.

Яга появилась из кухни, опираясь на клюку, и окинула Тиану цепким взглядом.

— Ладно, знакомство окончено, — сказала я. — Тиана, давай осмотрим фронт работ. У меня тут целый список.

Мы обошли усадьбу снаружи и внутри. Я показывала, Тиана записывала на клочке бумаги, кивала, задавала вопросы. К концу обхода у неё в руках был плотно исписанный лист, а на лице было выражение человека, который только что понял, что ввязался в крупную авантюру.

— Карина, — сказала она. — Тут работы на месяц. Если не на два. Ты уверена, что я справлюсь одна?

— А мы не одни, — я кивнула на призраков, которые парили неподалёку, делая вид, что не подслушивают. — Они помогают. Им всё равно делать нечего, только пугать прохожих и ныть. А тут хоть делом займутся.

— Я не ною, — обиженно возразил Теодор. — Я выражаю недовольство в цивилизованной форме.

— Вот именно это мы и называем нытьём, — отрезала я.

Тиана хихикнула, но быстро спрятала улыбку.

— Хорошо, — сказала она. — Давай тогда начнём снаружи. Фасад и крыша первое, что видят люди. Если они увидят развалины, никакой кофе их не заманит.

Я кивнула. Это было разумно.

Мы вышли во двор, и Тиана оглядела заросший бурьяном участок, покосившийся забор, сухую яблоню в углу.

— Тут работы много, — сказала она. — Но я справлюсь. Только помогите мне: надо траву скосить, деревья спилить, мусор вывезти. Это магией тяжело, быстрее руками.

Я кивнула Лине, и та метнулась в сарай за косой и топором.

Следующие несколько дней мы работали как проклятые. Тиана колдовала над фасадом: я своими глазами видела, как мох сползает со стен сам собой, как щели в кладке зарастают, а ставни, которые висели криво и рассохлись, вдруг становятся ровными, плотно закрываются и покрываются слоем свежего лака. Она стояла посреди двора, раскинув руки, и от неё расходились волны тёплого света, которые окутывали дом и делали с ним что-то невероятное.

— Крыша, — сказала она, промокая лоб. — С черепицей проблема. Её менять надо, настоящую. Я могу старую укрепить, чтобы не сыпалась, но если она битая, только заменять.

— Купим новую, — решила я. — Лина, записывай: черепица, водосточная труба, доски для забора.

Лина кинулась в дом за бумагой и карандашом.

Вскоре дом преобразился. Фасад сиял чистотой, ставни тёмным лаком поблёскивали в лучах закатного солнца, козырёк над крыльцом, который мы почистили и покрыли чёрным лаком, выглядел как новенький. Даже забор, который Тиана выровняла магией, а мы с Линой подкрасили свежей краской, теперь стоял ровно и гордо, белый, как паруса.

Двор было не узнать, бурьян мы скосили, сухую яблоню спилили (призраки помогли таскать брёвна), кусты сирени обрезают и привели в порядок. Дорожки, которые Тиана выровняла, мы засыпали свежим гравием, и теперь они приятно хрустели под ногами.

У входа стояли плетёные стулья и столики, найденные в сарае. Лина сшила для стульев новые подушки из старых запасов ткани, и теперь на них было мягко сидеть.

Внутри дома тоже кипела работа. Тиана прошла по холлу, и стены, которые ещё утром были ободранными и грязными, вдруг стали ровными, гладкими и приобрели нежный, светло-фисташковый оттенок. Мраморный пол под её руками засветился, трещины затянулись, плитки встали на место.

Люстру мы сняли, и вычистили её до блеска, я даже не подозревала, что под слоем пыли и паутины скрывается такая красота. Медные рожки сияли, хрустальные подвески переливались в свете заходящего солнца. Мы вставили новые кристаллы в те места, где старые раскололись, и когда зажгли свет, холл преобразился окончательно.

Лестница на второй этаж, которая шаталась и скрипела при каждом шаге, после чар Тианы стояла твёрдо и надёжно.

Двери в комнаты мы проверили все до одной. Я смазала петли, где надо подстрогала косяки, чтобы двери закрывались плотно, без щелей. В некоторых комнатах пришлось повозиться, но к вечеру все двери на первом этаже открывались и закрывались легко и бесшумно.

Мебель мы перетасили из подвала и с чердака. Три столика, которые я уже поставила в холле, Тиана отполировала до блеска и укрепила ножки. Восемь стульев, которые мы нашли в подвале, она починила, те, что разваливались, склеила магией, остальным просто укрепила каркас. Обивку мы почистили, а на трёх стульях, где ткань совсем истлела, перетянули сиденья старым бархатом, который нашёлся в бабкиных запасах.

Стеллаж для книг, стоявший в кабинете на первом этаже, мы отмыли, починили полки и перетасили в холл. Книги, которые валялись в том же кабинете кучей, Лина перебрала, встрясла из них пыль, некоторые подклеила. Теперь они стояли на стеллаже ровными рядами, и любой посетитель мог взять почитать.

Посуду мы нашли в кладовке. Это был целый сервиз, старый, но красивый, с золотым ободком. Чашек оказалось штук двадцать, блюдец чуть меньше, несколько заварочных чайников, сахарница, молочник. Мы перемыли всё это, и я с удовлетворением отметила, что посуды хватит на первое время.

Скатерти и салфетки лежали в старом сундуке на чердаке. Они были льняные, с вышивкой, пахнувшие нафталином. Лина отстирала их, отбелила на солнце, погладила горячим утюгом. Теперь столики в холле стояли накрытые, и это выглядело по-настоящему уютно.

Вечером мы сидели на кухне, я, Лина, Тиана и призраки. Яга наварила огромный горшок похлёбки, от которой пахло так, что у меня текли слюнки. Тиана ела жадно, быстро, словно боялась, что еда исчезнет.

— Давно не ела нормально, — призналась она. — В общегитии Академии кормили так себе, а после выпуска я на съёмной комнате сидела, на хлебе и воде экономила. Стыдно к матери было возвращаться.

На третий день, когда основные работы были закончены, Тиана подошла ко мне с виноватым лицом.

— Карина, — сказала она. — Я должна тебе напомнить. Через пару месяцев магия начнёт рассеиваться. Плитка снова треснет, стены пожелтеют, краска облупится. Надо будет делать настоящий ремонт.

— Знаю, — ответила я. — Ты говорила. Но эти пару месяцев нам нужны, чтобы встать на ноги, заработать денег и сделать всё по-настоящему. Так что не переживай. Ты дала нам время. А время сейчас самое главное.

Тиана поселилась в мансарде на втором этаже, там была небольшая, но уютная комнатка с окном во двор. Лина осталась в своей каморке на первом. Я поднялась в спальню, упала на кровать и провалилась в сон.

Утром меня разбудил стук в дверь. Это был мальчишка из типографии.

— Заказ, — сказал он, протягивая мне стопку. — Двести штук, как просили.

Я взяла, пролистала. Текст напечатали точно, без ошибок, даже шрифт подобрали красивый. Я сунула мальчишке медяк на чай, и он убежал, насвистывая.

— Что это? — спросила Тиана, выходя во двор.

— Наша реклама, — ответила я, протягивая ей один листок. — Читай.

Она прочитала. Потом ещё раз. Потом подняла на меня глаза, в которых плескалось такое изумление, что я рассмеялась.

Листовки пахли свежей краской, и текст, который я сочиняла полночи, выглядел на бумаге именно так, как я задумывала.

«Кофе с того света»

Вам кажется, что вы уже всё пробовали? Что вас ничем не удивить? Что бодрящие зелья давно заменили вам нормальный сон, а травяные сборы навевают лишь тоску?

Приезжайте к нам.

Мы предлагаем напиток, о котором в столице слагают легенды. Кофе, приготовленный по старинным рецептам, не имеет ничего общего с той горькой бурдой, которую вам доводилось пробовать ранее.

Это — искусство. Это — традиция. Это — вкус, от которого просыпаются даже мёртвые.

К слову о мёртвых.

В нашем заведении работают НАСТОЯЩИЕ ПРИЗРАКИ. Не ряженные актёры, не магическая иллюзия, а те, кого обычно боятся встретить в тёмном переулке.

Хотите острых ощущений? За отдельную плату они могут пролететь прямо сквозь вас. Говорят, ощущение — как будто тебя облили ледяной водой и пропустили через кисель. Наши постоянные клиенты уверяют, что это отлично прочищает мозги.

А ещё у нас бывают:

Шахматные вечера для тех, кто любит думать (призраки иногда подсказывают, но мы за них не отвечаем)

Чтения вслух — старые книги, страшные истории и тёплый кофе

Вечера настольных игр — приходите компанией, места хватит

Поэтические пятницы — читайте свои стихи или слушайте чужие (призраки тоже участвуют)

Торопитесь? Кофе можно взять с собой! Мы наливаем его в специальные чашки, возвращать не обязательно, оставляйте себе на память.

Тихий квартал, старая усадьба в конце улицы

Для тех, кто готов попробовать что-то новое»

Листовки мы отдали уличным мальчишкам. Они разнесли их по всему Кориндилу, расклеили на столбах, засунули под двери, сунули в руки прохожим. К вечеру в городе только и говорили, что о новой кофейне в Тихом квартале.

— Слышали? Там призраки работают!

— А ещё кофе варят, после которого мёртвые просыпаются!

— Ведьма, говорят, открыла. Мужа своего дракона прокляла и теперь людей заманивает...

Слухи ползли по городу, обрастая подробностями. Лина прибежала с рынка и рассказывала, что там говорят. Я только усмехалась. Пусть говорят. Главное, чтобы приходили.

Вечерами мы собирались в холле, пили чай. Я читала вслух старые книги, найденные в кабинете, и призраки слушали, затаив дыхание. Особенно им нравились страшные истории, тогда эмоций было больше всего, и они буквально светились от удовольствия.

— Теодор, — спросила я однажды вечером. — А ты играешь в шахматы?

Он поднял бровь.

— Я — граф. Конечно, играю.

— Отлично, — я вытащила шахматы, которые купила вчера в антикварной лавке за смешные деньги. — Будешь вести шахматный клуб по пятницам. Это привлечёт людей.

— Карина, — сказал он медленно. — Ты хочешь, чтобы я, граф де Варенн, развлекал твоих посетителей?

— Хочу, чтобы ты помогал мне зарабатывать деньги, — поправила я. — А заодно питался их эмоциями. Тебе же всё равно надо есть, я права?

Он подумал, потом кивнул.

— В твоих словах есть логика. Хорошо, я согласен.

— Вот и славно. Иви, а ты что умеешь?

Фея захлопала ресницами.

— Я? Ну... я летаю. И светиться могу.

— Отлично, — я записала в блокнот. — Будешь отвечать за уют и помогать гостям. И если кто-то захочет острых ощущений, пролетишь сквозь них.

— Ладно, — согласилась она. — Если им не больно, то можно.

Яга только крикнула, когда я посмотрела на неё.

— Я на кухне, — сказала она. — Буду твоим гостям пироги печь и отвары варить. А если кто нахамит — клюкой огрею.

— Договорились, — улыбнулась я.

К открытию мы готовились тщательно. Я перебрала все зёрна, обжарила их, смолола, расфасовала в банки. Лина выучила рецепт и теперь варила кофе почти так же хорошо, как я. Тиана закончила с холлом и теперь работала над вторым этажом.

Я спустилась в подвал, к portalу. Мне нужны были стаканчики для кофе на вынос, те самые одноразовые, к которым я привыкла в своём мире. Здесь таких не делали, но портал мог достать всё, что угодно, если правильно попросить.

Я подошла к пульсирующему мареву, погладила его по краю — насколько можно погладить портал — и зашептала:

— Слушай, дружок. Мне нужны стаканчики для кофе. Бумажные, с крышечками, чтобы не обжечься. Такие, в которых кофе продают на вынос. Понимаешь?

Портал задумался. Я чувствовала, как он перебирает варианты, ищет, сопоставляет. Потом марево дрогнуло, и из него вывалилась упаковка. Я подхват

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.